

НИНА ТАРУТИНА

Эта странная жизнь...

Нина Тарутина
Эта странная жизнь...

«Автор»

2026

Тарутина Н.

Эта странная жизнь... / Н. Тарутина — «Автор», 2026

Совсем недавно состоялась очередная месса – и вновь, чтобы без труда вступить в контакт со Зверобогом, а через него ощутить гармонию земного с божественным, по кругу был пущен кубок с «духовным» напитком... Глотнув пару глотков из «священного» кубка, все поданные Зверобога, моментально, ощущают колоссальную внутреннюю свободу и готовы, принять «истину», которую им, всякий раз, внушает их земной божок – Зверобог! На протяжении всей мессы их земной Зверобог пребывает в состоянии интенсивного нервного возбуждения – и одновременно, он зоркий и затаившийся наблюдатель, за происходящим вокруг него - тем и опасен, как самый лютей зверь...

© Тарутина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Внутренний хаос...	5
Вера, дочь Елены.	7
Очаровательная Ольга.	12
Агриппина – та, что «паслась сама по себе» ...	18
Глеб и Ольга...	35
Разлом в стране и в судьбах...	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Нина Тарутина

Эта странная жизнь...

Внутренний хаос...

Ольга лежит в постели, смахивающей на сеновал: ее подушка, матрас и одеяло, которым она укрывается, набиты соломой... – Ольге кажется, что и мозги, в ее голове, замещены сухой и колючей соломой... Кроме нее, в комнате находятся еще двенадцать «соломенных» женщин: их владыке – Зверобогу, подобным образом, легче контролировать своих поданных... – в каждой группе, состоящей из мужчин и, отдельно, из женщин всегда находится тот, что доносит на своих, чтобы заслужить себе мизерные послабления, в их рабском существовании...

Совсем недавно состоялась очередная месса – и вновь, чтобы без труда вступить в контакт со Зверобогом, а через него ощутить гармонию земного с божественным, по кругу был пущен кубок с «духовным» напитком... Глотнув пару глотков из «священного» кубка, все поданные Зверобога, моментально, ощущают колоссальную внутреннюю свободу и готовы, принять «истину», которую им, всякий раз, внушает их земной божок – Зверобог! На протяжении всей мессы их земной Зверобог пребывает в состоянии интенсивного нервного возбуждения – и одновременно, он зоркий и затаившийся наблюдатель, за происходящим вокруг него – тем и опасен, как самый лютей зверь...

Второй раз, за те три месяца, что Ольга находится в секте Зверобога, до нее «священный» кубок доходит почти пустым – вот и сегодня ей досталось лишь несколько капель... – они, частично, сняли ее внутреннее напряжение, но не позволили ей войти в стадию упоения, от поклонения их верховному божеству и пережить, наравне со всеми, «божественное безрассудство»! Наоборот, совсем некстати, Ольга осознала всю глубину своей деградации – и познала парализующий животный страх, запнувшись о реальность!

С отцом Анисимом, Ольгу познакомила ее давняя недоброжелательница Полина – и поначалу, этого неопрятного и дурно пахнущего мужлана, она не восприняла никак, совсем никак... Но ее уже взяли на заметку: этот Анисим занимался вербовкой женщин в секту его предводителя «Зверобога»...

Повторно, Ольга натолкнулась на Полину и ее приятеля-самозванца «отца Анисима», когда возвращалась из клиники, где в палате реанимации лежал ее любимый сыночек Ники...

Прилипучий, словно изжеванная жвачка, Анисим потащился за Ольгой – и уговорил опечаленную женщину, откусать мороженого в кафе. Приглашение Анисима, Ольга приняла, лишь бы, затем, избавиться от него... Беседа между ними не завязывалась – слишком, неприятен был ей спутник – и Ольга была поглощена своими, невеселыми раздумьями... Затем, ей захотелось, отойти в дамскую комнату – и, пока Ольга отсутствовала, Анисим, из своей фляжки, капнул чуток «божественного напитка»..., в ее мороженое...

Откусав мороженого, с «божественной» добавкой, Ольга почувствовала себя внутренне раскрепощенной – и несчастье, случившееся с ее Ники, не казалось, ныне, Ольге катастрофичным... – и она приняла предложение Анисима... Ольга сама удивлялась себе: теперь, этот «отец Анисим» ей не кажется узколобым вонючкой... – и на его несвежие простыни, Ольга легла без чувства гадливости – правда, до этого момента, Ольга сделала еще глоток, из его фляжки... Между Анисимом и Ольгой состоялась интимная близость – и она познала боль и

блаженство – и пережитый ею, экстаз вознес Ольгу над обыденной реальностью – и для нее перестали существовать и сын Ники, и муж Глеб, и Ия...

– Зверобог поможет тебе, как помог и нам, найти путь к познанию себя... С ним и с остальными его подвижниками ты, постигаешь истину...– и освободишься от пут ложной нравственности, стыда, гордыни...: станешь частью Вселенского сознания... Вкусишь и свою, звериную сущность: она вырвется наружу, чтобы осветить все неприглядное в тебе...– и примирит твой разум с чувствами...– внушал Анисим, одурманенной действием наркотика, Ольге – и та была на все согласна...

Красивая двадцатилетняя женщина проснулась среди ночи – и до утра не смогла уснуть: в ее голове все звучал и звучал печальный женский зов, обращенный к ней...:

– Ия..., Ия..., Ия... я пропала, совсем пропала!!! Прости, меня!!! Я пропала: сиганула в такую пропасть!!! Ия, прости меня!!! Я совсем пропала...

Утром, накормив своих детей, молодая женщина оставила их на свою помощницу Нюру, а сама отправилась в ближайший опорный пункт милиции...

– Послушайте, гражданка! Я правильно понял: ваша мать, добровольно, примкнула к секте, которых в России развелось, как грибов, после дождя...?! – участковый, в звании лейтенанта милиции, не вынес взгляда печальных и задумчивых бездонных сине-фиалковых глаз, восхитительной гражданки – и капитулировал...

– Пишите заявление...– объявим вашу мать во всесоюзный розыск...

Вера, дочь Елены.

Елена, будучи незамужней женщиной за 30..., родила дочь Веру для себя, исключительно, ибо отец ее малышки, как будто, был женат? Вера росла девочкой мечтательной – и с раннего детства обожала «витать» в своих сладких грезах, хотя ее реальная действительность была не так и плоха: материально, одинокой маме с дочкой, помогали родные сестры Елены – Роза и Римма... – и родной отец Верочки, время от времени, снабжал их приличными суммами денег – их неполная семья могла себе многое позволить.

С самого ее рождения у нее было все наилучшее: Елена наряжала дочку в красивые и добротные вещи...; что касаясь игрушек, Верочке достались в наследство, от ее прабабушек, несколько кукол потаенной и поразительной красоты, с неодинаковыми обликами, и размерами... – и коляска, чтобы выгуливать этих куколок имелась и была, сама по себе, дефицитным товаром; располагала Верочка и детским набор посуды... Многие девчонки желали бы дружить с Верочкой: из-за ее восхитительных игрушек! А, еще, у ее Верочки было много детских книг с яркими картинками – и, до тех пор, пока дочка не освоила алфавит..., Елена самолично читала ей сказки... – на ночь...

Елена вообще придавала большое значение духовному и эстетическому развитию Верочки: водила ее по музеям, посещали они и кукольный театр, и цирк, и зоопарк..., а, когда Вера пошла в школу, они с мамой стали бывать и в Драматическом театре: сперва на детских спектаклях... – позднее, протоптали дорожку и в Оперный театр.

Каждый год, Елена справляла своей Верочке ее дни рождения... В этот день, по обыкновению, праздничный стол ломился от фруктов, пирожных, конфет – и вишневый компот «лился рекой», на зависть немногим подружкам! В этот день, пунцовая от счастья, ее дочка принимала поздравления и подарки!

Всякое лето, в июле месяце, Елена с дочерью отправлялись к Черному морю: надобно было позаботиться и о здоровье тела... Именно на отдыхе, прогуливаясь с мамой по набережной, подрастающая девочка Верочка, стала подмечать: на ее любимую мамочку заглядываются посторонние мужчины! Это открытие поразило Верочку – и ею завладело беспокойство: вдруг, кто-то, из этих дяденек, захочет жениться на ее маме?! А, если мама согласится?! Сама Вера была не готова, делить свою маму со сторонним мужчиной!

Невольно, подслушав разговор мамы Елены с теткой, что заселилась в санатории по соседству..., девочка осознала необоснованность своих страхов.

– Елена, почему бы вам не оставить свою дочь на мою мамашу: мы могли бы, прекрасно, провести вечер в ближайшем ресторане?! Вы, выглядите такой манящей женщиной..., но все одна и одна... Женская красота увядает быстро – и пока еще мужчины пялятся на вас, нужно взять от жизни свое!!! Не оставим земляным червям ни капли своего цветения!!! – грубоватой и вульгарно накрашенной соседке, для привлечения внимания мужчин, требовалась напарница соблазнительной наружности – ее выбор и пал на Елену...

– Благодарю Галина, за высокую оценку моих внешних данных..., но мой ответ... – категоричное нет!!! Я уже взяла от жизни и от мужчин свое... – и венцом моих любовных изысканий стала моя доченька Верочка! А, вам я желаю успеха!!! – и несговорчивая, но чертовски привлекательная Елена, загадочно улыбнувшись..., потянулась за своей книгой, которую читала до появления Галины, чем вызвала скрытое бешенство у своей собеседницы:

– Чокнутая, странная дура!!!! Зачем Бог одаривает манкой красотой таких блаженных идиотов?!!!! – вслух, ругала Елену – Галина, но ей повстречалась другая особа: более сговорчивая и жадущая, как и Галина, взять от жизни свое... – и странная Елена была забыта...

Беззаботной и насыщенной жизнью жила эта «тепличная» девочка... – прискорбно, что смерть лишила ее матери, едва Верочке сравнялось 16 лет! Поплакала, погоревала она, но рядом с Верочкой еще находились, любящие ее, тетушки – Роза и Римма... – и в них сиротка обрела утраченную опору...

Благополучно окончив десятый класс, Верочка пошла по стопам своей покойной мамы Елены: поступила в Медицинский институт. И, с нетерпением, фантазерка-Вера принялась, вглядываться в лица юношей, встречающихся на ее пути, ожидая долгожданной встречи с суженым-ряженым! Конечно, ее «принц», непременно, будет талантлив, умен, красив, благороден... – совсем, как тот герой, из французского романа, где повествовали о смелой Анжелике.

Но быстро, только, сказка сказывается, а ее, «сотканный» из фантазий, суженный задерживался где-то в пути, но Вера все продолжала жить грезами – и на однокурсников, что проявляли к ней интерес, не обращала внимания! Странная... – судачили о ней однокурсницы и крутили у виска пальцами...

Лишь на четвертом курсе в группе, где училась Верочка, появился новый преподаватель Кирилл Дмитриевич... Он, живое воплощение из ее мечтаний, вошел в аудиторию, а у Веры, неистово, забилося сердечко – и это трепетное сердце известило ее: ОН! «Потерявшая голову» от любви, Верочка смотрела, во все глаза, на импозантного преподавателя, совершенно не понимая, о чем тот на лекциях вещает... И Кирилл Дмитриевич заприметил миловидную студентку, но исключительно, из-за того, что незнакомка пожирала его своим горящим взором, а когда их глаза встречались, девушка, восхитительно и мучительно, краснела... – ну, как с такой особой не познакомиться поближе?!

Их головокружительный роман продлился немногим, более двух месяцев: ровно до той поры, пока блаженная Верочка не поведала любимому Кириллу о своей беременности...

– Сделай аборт... – в, чем проблема?! Могу свести тебя с хорошим специалистом! – беспечно, промолвил Кирилл, а из глаз Веры полились слезы.

– Зачем устраивать драму? Ты, не малое дитя – отлично знала, к чему может привести близость с мужчиной! Противозачаточные средства надо было использовать! Ты, сглупила, а я, здесь, причем?! Не вздумай меня преследовать!!! – сверкнув злым взором, Кирилл Дмитриевич удалился...

Сказать, что Верочка была ошеломлена таким поворотом событий... – это мягко выразиться: ранее ей казалось, что и ею обожаемый Кирилл страстно любит ее... – и будущий ребенок только скрепит их союз!!! Вышло все совсем не так, как Верочке мечталось: узнав о ее беременности, Кирилл не выказал ожидаемого восторга, но вмиг, из ласкового и заботливого..., превратился в ошетилившегося зверя! А, ведь, Верочка, долго и терпеливо, ожидала встречи со своим избранником – даже, ни с одним мальчишкой не поцеловалась до Кирилла! Без тени сомнения, всецело вверила ему себя, непорочную... – и взлелеяла в своем сердце надежду, что они будут супругами с Кириллом: как же иначе?! И грезилось ей, что пойдут они по жизни «рука об руку» – и, до старости будут спать на одной подушке... – возможно и умрут в один день!!!

После того, фатального объяснения с Кириллом... – Вера воротилась домой с почерневшим лицом и с комом невыплаканных слез, что «застрял» в ее в горле...

Не раздеваясь, она рухнула на кровать: жить, отверженной Вере расхотелось, но ей страстно возжелалось умереть и не чувствовать боли, из-за крушения ее надежд! Вот, проигнорировать вопросы обеспокоенных тетушек, молодая женщина не могла: тети – Роза и Римма заменили ей, рано умершую маму – и Вера, вкратце, поведала им, что она беременна, но любимому мужчине она не нужна, как и ее ребенок... – и, зачем, и, как ей дальше жить?!?!

– Ничего, ничего: мы еще в силе... – поможем тебе, вырастить твоего малыша... Ох, уж эти коварные мужчины! – наперебой, охали и ахали Роза, и Римма: состарившиеся, но так и не познавшие на себе превратностей любви...

Вере было нестерпимо больно думать о Кирилле, но, от горя, она руки на себя не наложила, лишь перестала посещать институт! Не смогла, заставить себя, вновь, встретиться с Кириллом: смотреть в его глаза; сдавать ему зачеты, экзамены... – и делать вид, как будто ничего между ними не произошло!

Тетя Римма, трезво оценив ситуацию, предложила милой племяннице: перевестись из Медицинского института на последний курс медицинского училища... – благо, директор медицинского училища была подругой детства тети Риммы:

– Детка, горевать бесполезно! Коварство губит не только любовь... – а тебе необходимо, озаботиться своим будущим и будущим твоего ребенка! Если из-за Кирилла ты, решила, бросить Медицинский институт, так продолжи свое образование в медицинском училище – и таким образом ты, не останешься совсем без диплома...

Все сложилось относительно успешно: Вера защитила диплом по специальности-фельдшер и, затем, родила дивную девочку, которую нарекла Ольгой! Когда ей, впервые, принесли дочку на кормление, Вера разрыдалась...

– Странная... – прошептала одна, из женщин, что находились с Верой в одной палате, но откуда им было знать, что ком, из слез, что застрял в ее горле, после расставания с Кириллом, только теперь, спустя много месяцев, дозволил выплакать себя: у Веры на руках лежал небольшой комочек счастья – ее дочка!

В декретном отпуске с дочкой Вера была лишь год, вместо трех – далее, вышла на работу: на станцию скорой помощи – работа посуточная, но ее кроха-Оленька оставалась под присмотром надежных тетушек – Розы и Риммы...

За те три года, что Вера проработала фельдшером на станции скорой помощи, она ясно осознала: врачевание больных... – это тяжкий удел – и он не для впечатлительных особ, каковой была она! Слишком много душевных сил Вера тратила на людей, сторонних, обделяя вниманием свою маленькую дочку! Все понимающие, мудрые тетушки настояли – и Вера вернулась в медицинское училище, но в качестве преподавателя – и опыт работы фельдшером, нынче, был ей в помощь! Для преподавательской деятельности необходимо было высшее образование – и Вера поступила в Университет: на биологический факультет, заочного отделения...

С отцом своей дочери, долгие годы, Веру судьба не сводила: фельдшер скорой помощи, а позднее, преподаватель медицинского училища... – непритязательная Вера Ивановна ходила разными тропками с преподавателем Медицинского института и дамским угодником – Кириллом Дмитриевичем...

Обретенный смысл жизни Веры – очаровательная дочка Оленька росла в «женском царстве»: мама Вера, две пожилые тетушки – вот и вся их семья! Взрослые женщины, трепетно, относились к ее воспитанию и развитию – и нежили, и баловали Олю: как тот красивый и прихотливый цветок орхидеи, что рос в их в квартире, на подоконнике...

В отличие от своей мамы Веры, в детстве, Оленька не любила играть с куклами... Нет, она сажала пару кукол в колясочку и вывозила их на улицу, но тут же бросала кукол на подружек, что обожали играть в «дочки-матери»: сама Оленька предпочитала играть в подвижные игры, типа «казаки-разбойники»... Набегавшись за день, девочка «клевала носом» за столом, во время ужина... – и засыпала моментально, едва голова Оленьки касалась подушки, чем весьма огорчала маму Веру: опять ее доченька заснула без сказки на ночь...

– Верочка, может не стоит так... огорчаться?! Да, наша малышка растет истинным сорванцом: она предпочитает побегать, попрыгать..., а не сидеть над книгой с яркими картинками! Олюшка обещается вырасти барышней рассудительной, крепко стоящей на земле, а не фантазеркой... Возможно, ее приземленность подсобит ей в будущем – и она создаст полноценную семью – и ее уделом не станет одиночество, как случилось в нашем случае?! – тетя Роза высказывала свои, утешительные предположения, а тетя Римма кивала головой, в знак согласия с сестрой... – и Вера сдавалась...

В положенный срок, Оленька пошла в школу. Знания давались ей легко: без изнурительной головоломки и зубрежки, но, ныне, к их компанейской девочке, при возникновении малейшей проблемы в решении домашнего задания, стали захаживать школьные подружки и друзья – и надолго застревали в их доме... В этом крылся нешуточный изъян, с которым приходилось мириться двум милейшим, но пожилым тетушкам Оленьки – Розе и Римме: с годами те призывали к уединению, порядку и покою:

– Прощай тишина и, почти, стерильная домашняя чистота: дети, по своей природе, такие шумные, активные и не отличаются особой аккуратностью! – после очередного набега Олиных одноклассников, тетушки пребывали в унынии, но приняв по таблетке, от головной боли и от давления..., собравшись с духом, всякий раз, принимались, за наведение первозданной чистоты в квартире: к приходу милой Веры с работы, дома должно быть, по-прежнему, уютно!

Оленька росла, а ее мама Вера, с удивлением, констатировала, какие они разные, словно бы не дочь и мать: по выходным дням, будучи девочкой, Вера обожала проводить свободное время с мамой Еленой – и, неважно, пойдут они в музей, в цирк, в театр или в зоопарк... Ее дочка Оленька и в воскресенье, единственный выходной день Веры, предпочитала проводить в обществе подружек..., не любила посещать музеи, скучала в театре, зоопарк считала тюрьмой для животных! Ее отрада – Оля посещала и театр, и музей только под давлением классного руководителя и в обществе одноклассников! Печально!

Вот, к Черному морю Оленька все же ездила с мамой..., а, как иначе?! Вера обожала эти летние месяцы: пятьдесят шесть дней Олюшка проводила только в ее обществе... – и только с ней дочь обсуждала, что ей приглянулось, а, что вызвало отторжение... – изредка, делилась и своими девичьими секретами! Хвала тому, кто утвердил: педагогам отдыхать два месяца... – летом!

Всякий раз, поздней ночью, когда ее Оленька безмятежно спала, Вера садилась перед окном – и глядя на загадочную Луну, пыталась понять: где же она совершила оплошность... – и с той поры ее единственная дочка, смысл ее жизни, ее радость и надежда, отдалилась от своей матери?!

Однажды, похоже, Луна прислала Вере ответ, на мучивший ее вопрос. В том сне, Вере приснилась ее Оленька двухлетним ребенком: плачущая дочка цепляется за ее ногу, не хочет, чтобы мама уходила от нее, но Вера не может себе позволить такую роскошь... – и остаться со своей огорченной девочкой! В данный момент, Вера-добытчица торопилась в очередную смену, на станцию скорой помощи... – и она поднимает заплаканную дочку на руки, вытирает ей слезы, крепко целует ее – и передает Оленьку в руки тетушки Розы... Затем, торопливо, Вера выходит из квартиры и захлопывает за собой дверь – и пока она спускалась по лестнице, до подъездной двери, до нее доносился плач дочери!

И, сколько раз, таким образом, ей приходилось уходить из дома... – не сосчитать, а маленькая дочка нуждалась в ней!!! Да, Вере пришлось не только много работать, но и, заочно, учиться в Университете... – благо, что с ее Оленькой всегда были рядом, заботливые и любящие, тетушки – Римма и Роза?! Было кому успокоить дочку, утереть ей слезки... – вместо мамы...

Проснувшись ото сна, Вера «пораскинула» своим умом и сопоставила факты: ее мама Елена родила Веру, будучи женщиной за 30..., а стало быть и твердо «стоящей на своих ногах», и с образованием у нее все было в порядке...

Вера родила свою Оленьку, едва ей исполнился 21 год... – выпускница медицинского училища и мать-одиночка не могла себе позволить такую роскошь: сидеть три года в декретном отпуске с маленькой дочкой – иначе потеряла бы и квалификацию. Веру, без опыта работы в лечебном учреждении, с трудом, приняли на станцию скорой помощи! Затем, обретя некоторый медицинский опыт, Вера получила возможность: стать преподавателем в медицинском училище, но без законченного высшего образования и зарплата меньше, и в любой момент могут заместить более грамотным специалистом... – и Вера продолжила свое образование, заочно, на биологическом факультете Университета... Снова, Вера не могла уделить маленькой дочке столько времени, как хотелось им, обоим... К тому же, ее Оленька росла – повышались и траты на нее... – и, позднее, Вера согласилась на предложение директора медицинского училища – и заняла пост ее заместителя по учебной части... Снова, Вера уделяла больше времени чужим детям, а не своей Олюшке...

– В моем случае, по-другому, сложится жизнь могла только в худшую сторону! Я, для своей дочери, «два в одном...»: я и за маму, и за папу – отсюда и хроническая нехватка... – и времени, и денег! Я тоже не знала своего отца, но он все же помогал маме, материально, растить меня, а Кирилл не пожелал, отягощать себя подобной «чепухой»... Нынче, моя дочка Оленька... – девочка независимая: привыкла, с младенчества, что ее мама завязла в делах, сторонних людей – и мама всегда торопится! Горько! Большое спасибо тебе судьба, за даденную щедрую возможность: находиться наедине с дочерью хотя бы два неполных месяца, в году!!! Надеюсь, моя Оленька не сомневается в моей любви к ней!!! – тяжело вздыхая, Вера провела остаток ночи без сна...

Больше Вера не задавала никаких вопросов Луне..., но глядя в темное небо, все чаще, стала вспоминать свою милую маму – и в ее голове возникали новые вопросы, к себе: как долго ее мама – красавица и умница Елена любила того мужчину, от которого решила родить дочку?! Сколько зим, лет... ее отец морочил голову маме, убеждая Елену: в своей «страстной» любви к ней – и невозможности, развестись с «постылой женой»?! Романтичные женщины трудно расстаются со своими ложными грезами... – похоже, и ее мама, как и сама Вера, не один год лелеяла в своей душе призрачные надежды, на счастье с любимым...! Освободившись от иллюзий и распрощавшись с отцом своего будущего ребенка, душевно опустошенная Елена, порвала все связи не только с ним, но и с мужчинами вообще... Отчего? Мама не могла больше поверить не одной особи мужского пола, или полюбить?! Впрочем, и в ее сердце, после Кирилла, осталась «выжженная пустыня» – как тут полюбить другого?! Ее прекрасная мама всю нерастрченную любовь изливала на нее, свою дочку Верочку, а у самой Веры так не получилось: самостоятельная Олюшка в отношениях с мамой держит дистанцию, слишком близко не подпускает... Кто-то из писателей подметил, что красота... – лишь обещание счастья?! Обещание, как известно, и остается лишь пустым обещанием, чаще всего...

– Вернемся с моря, надо будет Ольге новую школьную форму купить: подросла дочка за лето... – и с этой утешительной мыслью Вера уснула..., она так и не вспомнила, фамилию проницательного писателя...

Очаровательная Ольга.

А годы, между тем, пролетали, притом, незаметно... Ее Оленька росла барышней проворной: училась на 4 и 5..., занималась в танцевальном кружке, пела в школьном хоре – и, частенько, заседала в комитете комсомола школы. А вечерами, в подъезде, целовалась с очередным мальчишкой, что отважился, проводить Олю до дома: дочь Веры рано осознала себя красивой.

– Деточка, ты, еще не слишком юна, чтобы целоваться с мальчишками?! – как-то, назидательно, попеняла 14-летней Ольге тетушка Роза...

– Дорогая тетушка, целоваться с мальчишками не грех! Не ходить же мне дурочкой, не целованной до 18 лет?! – отмахнулась Оля, чмокнула, вскользь, обеих тетушек в щеки – и схватив портфель в руки, она выскользнула из квартиры, оставив пожилых..., Розу и Римму в состоянии остоленения...

Успешно окончив среднюю школу, не раздумывая, Ольга последовала протоптанной стезей покойной бабушки Елены и здравствующей мамы Веры: подала документы в Медицинский институт, хотя тетушки Роза и Римма отговаривали ее, в пользу Педагогического...

Их Оленька, с головой, «окунулась» в студенческую жизнь: прилежно посещала лекции и занималась общественной работой... – в группе ее избрали старостой. Не изменяя своим привычкам, выделяла время и для отдыха – и по вечерам, во всякую субботу, и по праздничным датам календаря, Ольгу можно было сыскать в общежитии Медицинского института... – на дискотеке...

Выплескивая из себя напряжение, накопленное за неделю, Ольга, с неистовым упоением, танцевала: особенно, она любила энергичные танцы... Ее длинные и выющиеся русые волосы, в свете софитов, отливали золотистым – и эта колоритная грива из волос, металось по ее спине, привлекая взгляды, а ее точеная фигурка, пластично, по-змеиному, извиваясь, неожиданно, делала активные выпады, руками... Короче, танцевала Ольга завораживающе: сказывалась многолетняя выучка, приобретенная в танцевальном кружке...

Глеб – парень, из той же группы, в которой училась и Ольга, взял за правило, стоять у стены, в одиночестве – и, словно зачарованный, он не сводил глаз с этой красивой, умной и дерзкой девчонки, но пригласить, на танец, предмет своего обожания, Глеб осмелился только в феврале: на дискотеке, устроенной в честь доблестных защитников Родины...

После дискотеки, Глеб вызвался, проводить Ольгу до дома. В подъезде ее дома, по сформировавшейся привычке, Ольга позволила себя поцеловать... Ей понравилось, как этот парень целуется – и Ольга приняла приглашение Глеба, на день следующий, тем более, что, ранее, она и слышать не слыхивала, о существовании в их институте кружка подводного погружения?! А, Глеб оказался смельчаком – и полгода занимается таким увлекательным занятием!!!

Следующим утром Ольга вскочила с постели спозаранку, плотно позавтракала, по-походному, тепло оделась и с авоськой снеди, что заготовили ей тетушки и мама, она выпорхнула из подъезда, навстречу Глебу... Добрались они, до назначенного места, на рейсовом автобусе, но, с некоторым опозданием: первая группа парней, любителей зимнего погружения, уже находилась под водой... – Глеб решил пойти вторым заходом... – и Ольга, с воодушевлением, помогла ему дополнительно утеплиться...

«Первопроходцы» выбрались на берег, передали подводное снаряжение желающим, из второй группы – и примкнули к числу зрителей... Ольга, с большим интересом, наблюдала, как Глеб погрузился в бездну ледяной воды..., а, вот, когда он выбрался на берег, уже не видела: ее вниманием, полностью, завладел Станислав – Ольге он позволил звать себя Стасом...

Станислав учился на шестом курсе Медицинского института... – без пяти минут врач... – и, на его фоне, первокурсник Глеб показался Ольге блеклым, незрелым, косноязычным... Вот, ее новый знакомый – Стас был уверен в себе, до излишней самоуверенности, но Ольге это в нем и imponировало... а, как остроумен ее новый знакомый – и, постоянно, читает ей отрывки, из стихов популярных авторов, а смотрит на нее так дерзко – у Ольги сердце «улетает в пятки»!!! Похоже, и Ольга приглянулась Стасу – он и решил действовать, пока спутник, понравившейся ему девушки, находится под водой...

Покуда Глеб выбирался из студенческой воды на берег, пока он снимал с себя снаряжение... – осмотрелся, а его Ольга... на пару со Стасом мелькнули, вдали, и скрылись из вида, за поворотом... Глеб испытал физическую боль: из-за легкомысленного поступка Ольги и своего унижения... – и, вскоре, повторно погрузился в февральскую стылую водицу, чтобы охладить свою горечь... и, дабы приятели не увидели его слез...

Стас привез Ольгу на дачу, принадлежащую его деду: он, неизменно, всех своих подружек привозил, именно, сюда... – зимой дача всегда пустует – и нет риска, что кто-то, из родителей, внезапно нагрянет. Сперва, Стас включил отопление, а Ольга выложила на стол снедь, которой ее снабдили в дорогу.

В дачном доме становилось тепло – и Стас с Ольгой сняли с себя верхнюю одежду, выпили по бокалу вина, утолили, чем Бог послал, свой голод – затем, Стас включил музыку, но танцевать они не стали: совершенно естественным образом, эти двое оказались в постели...

Домой, из зимнего похода, Ольга вернулась поздней ночью... Мама Вера и пожилые тетушки, поджидая ее у окна, все глаза проглядели – и тревожные мысли, одна страшнее другой, овладели их умами... , но, вот, к дому подъехало такси и из него выпорхнула их, невредимая Оленька...

– Олюшка, тебя провожал другой парень..., а, где же Глеб?! – полюбопытствовала тетя Римма.

– Глеб... в общежитии, где же ему быть: наверное, спит?! – беспечно, ответила Оля и направилась в ванную комнату.

В очередную субботу, вечером, Ольга на дискотеку не пошла: едва закончились занятия в институте, Стас увлек ее на свою дачу, где влюбленные, в уединении, встретили вечер, провели ночь и половину дня, воскресного...

– Оля, а разумно ли: не ночевать дома уже с первого курса?! – робко, поинтересовалась Вера Ивановна у дочери, едва та шагнула на порог дома.

– Мамуля, не волнуйся: скорее всего, я брошу институт! У нас, со Стасом все серьезно – и скоро мы поженимся, а когда он защитит диплом, я, как его супруга, последую за ним..., к месту его распределения... Мы уже все решили! – своей откровенностью Ольга огорошила не только маму, но и тетушек – Римму и Розу: они застыли и онемели, а Ольга довольная, произведенным впечатлением..., удалилась в свою комнату...

– Оля, не подумай, что я против... – это твоя жизнь – тебе и делать выбор! Я, только, хочу посоветовать тебе: не бросай учебу «сию минуту», а первый курс все же отучись... Ты, будущая мать... – и знания медицины, полученные в первый год обучения, сгодятся тебе, для лечения хворей ваших будущих детей... Посоветуйся со Стасом: думаю и он согласится с моим доводом... Стало быть, следует изыскивать средства на вашу свадьбу? Хорошо, что предупредила, заранее... – озабоченная, подобным поворотом событий, Вера Ивановна покинула комнату дочери.

Ее дочь вняла рассуждениям матери – и прежде, чем завалиться спать, Ольга положила в свою сумку тетради, что будут необходимы ей на лекциях, в понедельник... Вскоре, их Олюшка уже спала сном праведницы, а пожилые тетушки – Римма и Роза устроили на кухне совещание...

– Дорогие..., мы можем, конечно, биться в истерике и требовать, чтобы Ольга прежде окончила институт..., но вы, же знаете, что она поступит наоборот, из упрямства! Предлагаю, успокоиться и принять выбор Ольги. Потом, ее Стасу еще пять месяцев учиться, до его выпуска... – до того времени всякое может приключиться!!! – здоровыми рассуждениями, их Верочка вселила надежду в трепетные сердца Риммы и Розы – и успокоившись, три женщины принялись пить чай с вишневым вареньем...

Не какое-то чудо, а Кирилл Дмитриевич расстроил планы Стаса и Ольги: увидев своего законнорожденного сына и непризнанную дочку Ольгу вместе, их отец пришел в ужас... – затем, он навестил Веру, по месту ее работы.

Он вошел в ее кабинет, что был положен Вере Ивановне по статусу, как заместителю директора по учебной части- и она обомлела: более восемнадцати лет прошло с их последней встречи...

– Чем обязана, Кирилл Дмитриевич?! Что привело вас в медицинское училище? – осведомилась Вера, когда пришла в себя, от изумления.

– Здравствуй, Вера! И я не думал, что наши дорожки еще пересекутся, хотя и признал, в одной из своих студенток, твою дочь. Стас и Ольга – мои дети! Соответственно, они приходятся друг другу сводными, братом и сестрой, а я заметил, что между ними возникли романтические отношения! Ты, ведь, понимаешь, что мы должны положить этой связи конец! Я поставлю в известность Стаса, что Ольга приходится ему сестрой, а тебе Вера, придется просветить на этот счет нашу Ольгу... – Кирилл Дмитриевич как-то странно смотрел на Веру..., но по прошествии стольких лет, ей совсем не захотелось задаваться вопросом: а, что бы мог значить, этот внимательный и загадочный взгляд?

Ко времени, прозвенел звонок... – и Вера поднялась со своего места...

– Кирилл Дмитриевич, я услышала вас... – конечно, я сегодня же извещу Ольгу, что у нее есть сводный старший брат – и это Стас... Представляю, как она расстроится, но я рада, что этому браку не бывать! Не скрою от вас... – мне Стас не симпатичен – уж, простите...! – она, всем своим видом, дала понять Кириллу Дмитриевичу, что их разговор окончен.

Хотя, Кирилл Дмитриевич и обещал Вере: поговорить, лично, со Стасом, но представив, как непросто будет ему, донести столь досадное известие... до сына, с которым он долгое время не имел никаких контактов... – и Кирилл Дмитриевич созвонился со своим тестем, и ввел того в курс проблемы...

Вера не успела, предупредить дочь, о ее близком родстве со Стасом: той попросту не было дома. Где-то, через час Ольга вернулась... – и по ее лицу, Вера поняла: дочь узнала правду от посторонних людей... Тягостное молчание повисло в воздухе, градус напряжения стал зашкаливать – и Ольга заговорила.

– Мама, Стас повел меня к себе, домой, чтобы познакомить с матерью, дедом и бабкой... Едва, я шагнула на порог их квартиры, мать Стаса – злобная фурия выскочила из комнаты и налетела на меня... Она называла меня маленькой шлюшкой, дочерью позорной с...ки, убеждала Стаса, что из меня не получится приличной жены потому, что я, при всяком удобном случае и перед любым мужиком, раздвигаю свои ноги, как и моя мать... Она много чего еще наговорила..., с пеной у рта, а, потом, сообщила Стасу и мне, что мы сводные, брат и сестра! Меня

еще никогда, и никто так не оскорблял, и не унижал – и, откуда только взялся этот отец!?! – у взволнованной Ольги закончились слова – и она расплакалась.

Вера обняла дочь за плечи и увлекла ее за собой. Они присели на диван, Ольга продолжала плакать, а Вера гладила ее и целовала, как в детстве...:

– Олюшка, ты, возникла перед матерью Стаса неопровержимым доказательством, неверности ее мужа – эту злобу понять можно! И скверные слова тебе говорила она, и позорила тебя... – из ревности: ты, дочь коварной соперницы, к тому же молода и красива, и ты, посягнула на ее сына! Будь готова к тому, что многие женщины, из ревности и зависти, будут плевать в тебя злобным «ядом», а неуравновешенные мужчины станут требовать от тебя взаимности... Повторюсь: ты, уродилась пленительной красавицей, у меня... – неси свою «корону» красоты с достоинством!!! Когда я вступила в близкие отношения с твоим будущим отцом, я и не догадывалась, что он женат: мы встречались в его квартире – он, даже, дал мне ключи, чтобы я не ждала его на улице, когда он задерживался в институте. Потом, в его квартире не было и намека, на наличие у него жены и сына: ни одной женской вещи и ни единой детской игрушки – и в ванной комнате одна зубная щетка, в стакане, и мужская парфюмерия..., сиротливо, стояла на полочке... Я приняла Кирилла за убежденного холостяка. Оля, твоим отцом является, знакомый тебе, Кирилл Дмитриевич – твой преподаватель: в свое время и я была его студенткой...

– Кирилл Дмитриевич?! Теперь, понятно, как папенька прознал про наш роман со Стасом: подсмотрел, подслушал... в институте – мы и не скрывали своих чувств... Интересно, что было бы, если мы уже успели пожениться?! Заставили бы нас развестись?! – на Ольгу, снова, накатила волна возмущения.

– Ничего мы не стали бы требовать от тебя и Стаса: жизнь ваша – и вам делать выбор! Подумай, как бы ты, чувствовала себя, ложась в одну постель с братом... а, если бы и ваши дети стали появляться на свет с генетическими отклонениями?! В данном случае, Кирилл поступил правильно, но выбор за вами: если у вас, желание быть вместе преобладает над разумом, в этом случае мы распишемся в собственном бессилии!!! – высказав свои мысли, Вера Ивановна, смиренно, замолчала... а по лицу Ольги можно было прочесть: если выбор за ней, то она может плюнуть на условности, лишь бы быть рядом со Стасом...

Когда Ольга совсем успокоилась, они пошла на кухню – ужинать...

Будь ее воля, Ольга проигнорировала бы тот факт, что Стас приходится ей сводным братом... – не родным же!!! Сам Стас, как выяснилось, имел на сей счет иное мнение! Ольга ждала встречи с ним: верила, что он, непременно, поздравит ее с праздником 8 Марта..., но повстречала его с другой... – и любимый Стасик прошел мимо Ольги, словно бы она была пустым местом!!!

Домой, Ольга вернулась вся «в слезах и соплях»: Стас ей полюбился, до «потери пульса» – и она уже настроилась с ним на одну «волну», и жаждала стать его женой!!! Но тот, кто еще недавно, клялся ей в любви, нынче выказал Ольге полное пренебрежение... – и это было, чрезвычайно, обидно!!!

– Оля, ты, наслышана о жизненном законе: «клин, клином вышибают» – перестань плакать и сходи на праздничную дискотеку?! Выпусти из себя весь негатив, при помощи танцев! Завтра женский праздник... – негоже тебе, молодой и красивой, превращаться в «царевну-Несмеяну»: в конце концов, на Стасе «свет клином не сошелся»!!! Собирайся на дискотеку!!! – потребовала Вера от дочери.

Глеб, увидев чаровницу Ольгу в одиночестве, проявил настойчивость – и практически не отходил от нее, а Ольга, танцуя с Глебом медленные танцы, смотрела ему в глаза и думала: годится ли этот парень на роль «клина», что вышибет из ее сердца коварного Стаса?! Сомнительно, но попробовать стоит?! Проводить себя до дома, Глебу, Ольга не позволила,

впрочем, пригласила своего поклонника на праздничный обед: решила, что не стоит «отшивать» такого преданного воздыхателя...

Верный кавалер, вернувшись в свою комнату..., долго лежал без сна!

К праздничному обеду Глеб явился вовремя и обнаружил, что оказался в «женском царстве», а он, в День 8 Марта, пришел с тощей веточкой мимозы– его, это обстоятельство, чрезвычайно, смутило! Встречен он был радушно и мамой Ольги, и пожилыми тетушками: словно, появление Глеба и было даром!

После праздника, Стас подкараулил Ольгу, но только лишь затем, чтобы, в очередной раз, ей высказать свое презрительное «фи...»!

– Моя мама была права, в отношении тебя: стоило мне отвернуться, а ты, уже перед другим... раздвигаешь ноги! – его глаза выглядели стеклянными, от бешенства.

– Стас, мой старший брат, а не ты, ли, первым, покинул меня?! Да, ладно: какие, теперь, могут быть счеты между родственниками?! – и, ели сдерживая слезы обиды, Ольга пошла своей дорогой, но ушла она недалеко... – Глеб нагнал ее и напросился в провожатые...

Тетушки Роза и Римма были, несказанно, рады очередному визиту Глеба – накормив «голодную молодежь», пожилые женщины заторопились в магазин, а Ольга увлекла поклонника в свою комнату...

Прежде, чем оказаться в постели, они, некоторое время, страстно целовались. Ольга и сама, до времени, не осознавала себя особой, пылкой, но первый же сексуальный опыт ей пришелся по нраву – немногим, позднее, она осознала, что желала бы заниматься сексом, как можно чаще! Для исполнения ее хотелок, ей требовался муж: не взирая на пророчества злобной мамы Стаса – Ольге вовсе не хотелось перед всяким мужиком стелиться...

Глеб, не смотря на его неопытность, прошел проверку Ольги и был признан ею, подходящим кандидатом в мужья...: всякий опыт приходит со временем..., а «потенциал» у Глеба имеется! – резонно, рассудила Ольга...

Глеб стал постоянным гостем в доме Ольги – и Вера, и тетушки радушно привечали его... Ольга, тем временем, собиралась с духом, чтобы сделать предложение «руки и сердца» своему избраннику...

– Оля, у тебя приличная задержка месячных: может ты, застудилась?! – ее мама Вера выглядела встревоженной, а Ольга ничего не ответила: зазвенел звонок в прихожей – и она пошла, открыть дверь...

На пороге их квартиры стоял улыбающийся Глеб, а в руках он держал торт...

– Проходи, любимый! Ты, очень кстати: выяснилось, что мы с тобой беременны... Что будем делать?! – опешивший Глеб смотрел на Ольгу и не знал, как ему реагировать..., но, едва он встретился с испуганными глазами Веры Ивановны, мамы Ольги, ответ вырвался из его уст, сам собою:

– Раз беременны..., то следует родить..., но, прежде, нам следует пожениться! А, вы, Вера Ивановна, как думаете: гожусь я Ольге в мужья?

После слов Глеба, у Веры Ивановны отлегло от «сердца»: ее Ольге не грозит участь матери-одиночки...

– Твой торт Глеб, придется очень кстати: сейчас сядем за стол, выпьем чаю и обсудим вашу будущую свадьбу... Глеб, а твои родители в каком городе живут? – поинтересовалась Вера Ивановна.

Глеб призадумался прежде, чем ответить:

– Видите ли, с моим папой произошел несчастный случай, на стройке: он прорабом был... – и в четырнадцать лет, лишившись папы, я оказался на попечении тети Агриппины... Агриппа – родная сестра моей матери, но не мать, а тетя воспитывала меня, до окончания

мною средней школы. Потом, я уехал от нее, поступать в Медицинский институт... Из меня вышел непутевый племянник: редко пишу тете Агриппе, деньгами помочь не могу... – Глеб, заметно, погрузился: было похоже, что подобное положение вещей его смущает...

– Глеб, пока мы накрываем на стол ты, можешь позвонить своей тете, если у нее имеется телефон дома...? – Глебу не нужно было повторять, он ринулся в прихожую, где и располагался воделенный телефон – роскошь, доступная не всем советским гражданам...

Тетушки Римма и Роза, в тайне от своих любимых девочек – Верочки и Олечки, разыскали и стали поддерживать связь с Кириллом Дмитриевичем, бывшем возлюбленным обожаемой племянницы и отцом их внучатой племянницы – соответственно, он, одним из первых, был извещен и о беременности его дочери Ольги, и о намечающейся свадьбе...

– Глеб, по имеющейся у меня информации, мы в скором времени породнимся?! – Кирилл Дмитриевич столкнулся со своим будущим зятем в коридоре института, но поскольку Ольги не было рядом... – будущий тесть решил заговорить с женихом дочери: – После лекции подойди..., я дам денег на дорогу: вам с Ольгой следует съездить к твоей тете Агриппине, за благословением на брак! Чтобы все было по-человечески...

Глеб поведал своей Оленьке, о встрече с Кириллом Дмитриевичем – и о его предложении...

– Точно, раз тетя Агриппа заменила тебе маму, к ней и нужно обратиться, чтобы она одобрила наш брачный союз! Отец вдруг решил поучаствовать, в устройстве моей судьбы... – отлично: за деньгами пойдем к нему вдвоем! – Ольга, ныне, пребывала в возбужденном состоянии: то ли от того, что была счастлива..., либо ощущала себя спортсменом, готовящимся к прыжку с 1000 метровой вышки... Глеб, глядя на свою избранницу, не знал: радоваться ему или тревожиться?!

Агриппина – та, что «паслась сама по себе» ...

Отец Агриппины, страстно, мечтал о сыне, но жена родила ему дочь... Очевидно, кто-то, Свыше..., чтобы подсластить молодому отцу «горькую пилюлю» несбывшегося, наградила новорожденную малышку его внешностью. Вдобавок ко всем бедам девочки, ее бабушка, заглянув в святцы, выбрала ей имя – Агриппина (в переводе с греческого, «дикая лошадь») ...

Будучи маленькой девочкой, Агриппина не слишком переживала, что природа одарила ее крупными и грубоватыми чертами лица, и красноватым оттенком кожи... но все познается в сравнении... Агриппине исполнилось семь лет, когда ее мама родила еще одну дочку – вот, эта девочка уродилась в свою мать: с мелкими чертами лица, но с красивыми глазами – и кожа, у сестренки Агриппины, была нежной и белоснежной! Едва взглянув на малышку, лежащую в кроватке и посмотрев в зеркало на себя, Агриппа (так звали ее близкие), моментально, осознала: какой неказистой смотрится она, на фоне младшей сестренки...

Агриппа, теперь, ежедневно наблюдала, как родители относятся к своим, воистину любимым дитяткам: если с Агриппой, ее родители вели себя с прохладцей, следили только за тем, чтобы дочь была сыта и одета, но никогда не сюсюкались с ней, не обнимали, не ласкали..., то маленькую сестренку они зацеловали, всячески лелеяли ее и, практически, не выпускали из рук..., и та же бабушка отыскала для красивой внучки более благозвучное имя... – Лариса!

С рождением сестренки, Агриппа ощутила: родители всегда стеснялись ее... – некрасивой дочери Агриппы... Ныне, все было иначе: отца и мать буквально распирала гордость, от того, что они произвели на свет такую красивую малышку, как Лариса!!! Куда бы они не пошли с Ларисочкой, повсюду находились люди, что отмечали красоту их доченьки и сыпали комплементы в адрес младшенькой... Агриппа, лично, не помнила, чтобы кто-то восторгался ею... – ей лишь оставалось, признать превосходство младшей сестренки – и, незаметной тенью, следовать за своими близкими, стараясь своим внешним видом, не портить триумф своим родителям и сестренке...

Осознав свою ущербность, девочка Агриппа стала еще неприметнее и немногословнее... – вот, обожаемая дочка Лариса, долго не раздумывая, закатывала отцу и матери бурные истерики, если что-то ей было не по нраву!!! Так и подрастали две дочери у одних родителей: старшей – Агриппе все сгодится..., а для младшенькой, Ларочки все самое лучшее! А, как иначе: ведь, Лариса – родительская гордость?!! Для примера: мама замечала, что Агриппе, ее платье стало мало – и семья отправлялась в Детский мир, за покупкой! На деле выходило, что непривередливая Агриппа, из магазина выходила без обновки, в которой нуждалась, а торжествующая Лариса, пыхтя, несла под мышкой два свертка...: родители приобрели для младшенькой два платья...

– Не беда, Агриппа поносит еще свое платье: под мышками поставлю ей незаметные заплаточки... – сгодиться! Махать руками не будет... – и не приметят заплат...: да, никто и не проявляет интереса к их старшей дочке -дурнушке! А Ларисочка всегда в центре внимания – эта дочка должна выглядеть хорошо! – мысленно, рассуждала мама, девочек Агриппы и Ларисы.

Все же люди, похоже, обращали внимание и на Агриппу: по-иному она не смогла, обосновать себе, поступок бабушки... Но чудо случилось, когда Агриппе шел уже пятнадцатый год: давняя приятельница принесла, в подарок, ее бабушке отрез ткани в мелкую клеточку... Приятельница ушла, а бабушка поманила к себе старшую внучку:

– Агриппа, возьми себе эту ткань – и, вот, тебе десять рублей, закажи портнихе платье для себя... – промолвила несентиментальная старушка... – потом, на удивление девочки-под-

ростка, и отец Агриппы, что оказался невольным свидетелем поступка своей матери, выделил неказистой дочери еще десять рублей...

Агриппа свернула, аккуратно, отрез ткани, спрятала двадцать рублей... и побежала в ателье, что располагалось рядом с их домом. На удачу Агриппы, одна из закройщиц, в этот день, вышла из отпуска, на работу – поэтому и принимала заказы на месяц... Промерив ткань, закройщица сообщила своей юной заказчице: у нее ткани с избытком – из данного отреза получится и платье, и классическая прямая юбочка... – и двадцати рублей было достаточно, дабы оплатить пошив и платья, и юбки... В тот день, счастью Агриппы не было предела!

В течении двух недель Агриппа дважды посетила ателье: для примерки своего заказа. И, настал тот день, когда благодарная Агриппа предстала перед бабушкой в своем новом платье: отрезное по талии; спереди, застежка с «планочкой»; вырез горловины «под горлышко»; рукава короткие, по моде – «фонариком»; юбка «колокол»... В тот момент, Агриппа ощущала себя красавицей – и от восторга, покрутилась, вокруг себя!!!

– Да, Грипп, где же ты, отхватила платье в «шотландку» такой темной расцветки: такая ткань только старухам и годиться?! – неслышной сапой, за спиной старшей сестры встала восьмилетняя привереда-сестрица Лариса.

– Серое с голубым... – очень элегантно смотрится! – невозмутимо, парировала Агриппа, на дерзость младшей сестры.

– Да, было бы неплохо, если бы серого цвета было меньше, чем голубого, а не наоборот... – настаивала сестра, младшая – затем Лариса презрительно фыркнула и удалилась..., но Агриппа, заметив смущенный и расстроенный вид бабушки, поцеловала ее в щеку и произнесла:

– Спасибо, бабуля! Теперь, у меня есть платье на праздничный случай и юбочка, для повседневной носки! Потом, я же не павлин и не такая красотка, как наша Лариса... – в неброском наряде я буду чувствовать себя уютно!

– Да, Агриппа, ты не уродилась красоткой, но ты, и не уродина какая... – найдется и для тебя «принц», что оценит твое «золотое» сердце и кроткий нрав! Верь!!! – никогда еще бабушка с ней не заговаривала с такой теплотой – и Агриппа, вновь, поцеловала старушку.

Через три дня, после описанного события, старушка получила пенсию – и, втихаря, дала Агриппе тридцать рублей, на покупку новых туфель..., но она приобрела туфли за двадцать пять рублей, а на оставшиеся пять рубликов, купила белый воротничок, отделанный машинной вышивкой... – этот воротничок, чрезвычайно, украсил и освежил новое платье Агриппы...

Агриппе шел двадцать первый год, когда ее тринадцатилетняя сестренка Лариса стала дружить с мальчиком из соседнего подъезда. Поскольку двум сестрам родители отвели одну комнату... – Агриппа, студентка строительного института, была вынуждена готовиться к занятиям... на кухне: в их общей комнате, вечерами, проходили свидания Ларисы с ее Валерой.

– Знаешь Грипп, а я раньше тебя выйду замуж..., а, возможно, ты, так и останешься в старых девах! – однажды заявила Лариса своей старшей сестре Агриппе: самоуверенная малолетка лежала в своей кровати, задрав ноги кверху... Агриппине, нечем было возразить сестренке: за ней еще ни разу не попытался, ухаживать ни один мальчишка...

В возрасте двадцати пяти лет и у Агриппы, наконец, появился поклонник – тридцатичетырехлетний Никита Глебович, прораб стройки: его строители и он находились в подчинении у Стройтреста, где работала Агриппа...

Их отношения завязались, когда привлекательный мужчина и холостяк – Никита, зашел в Стройтрест к начальнику, чтобы отчитаться за текущие дела на стройке, которой он руководил, но в коридоре Никита встретил Агриппину: она шла ему навстречу – и эта скромная девушка приглянулась Никите, он и пригласил ее в кино. Далее, они не раз, вместе бывали

в кино, посещали и театр – и Никита взял за правило, ежедневно, провожать Агриппину с работы домой. После того, как Агриппина побывала с Никитой в ресторане, ее родители, по совету дочери Ларисы, возжелали, познакомиться с кавалером Агриппы... Сама Лариса желала сравнить, кто лучше: ее Валерик или Грипкин Никита?! Она не собиралась, отдавать «пальму первенства» невзрачной Агриппе: ее прораб, со стороны, выглядел заманчивее, чем водитель автобуса – Валера...

Смотрины состоялись – родители Агриппы нашли, что Никита немного староват, но в целом, подходящий жених, для старшей дочери... Лариса, едва глянув на жениха Агриппы, осознала: такого солидного и образованного, и интересного поклонника у нее еще не было... – и задалась целью – увести Никиту у Агриппы!!!

Ноябрьским вечером, накануне праздника Великой Октябрьской социалистической революции, родители Агриппы и Ларисы собрались в магазин, за продуктами к праздничному столу – и в помощь, позвали с собой дочерей. Агриппа быстро откликнулась, но Лариса прикинулась захворавшей: она уже прикинула в уме, что скоро должен прийти Никита – ей захотелось, воспользоваться удачным стечением обстоятельств – и попытаться, отбить у сестры перспективного кавалера...

Все сложилось так, как и рассчитывала коварная Лариса: Никита пришел к ним в дом в отсутствие родителей и главное – Агриппы не было...

– Никита, проходите, проходите: Агриппа ушла с родителями в магазин, но с минуты на минуту должна вернуться... А, вы, снимайте с себя верхнюю одежду: смотрю вы, изрядно промокли под дождем... – и присаживайтесь на диван! – младшая сестренка Агриппины – Лариса источала дружелюбие – и Никита, замерзший и уставший, за день..., с удовольствием присел на мягкий диван.

Лариса объявила ему, что пошла ставить чайник на плиту, но так и «застряла» на кухне, а между тем Никиту в тепле разморило – он и не заметил, как задремал...

Молодая, но весьма лукавая девица приступила к выполнению своего плана: в комнате, где вздремнул Никита, предприимчивая Лариса выключила свет, но оставила включенным свет в коридоре. Когда раздались шаги на лестничной площадке, Лариса, потихоньку, прилегла на диван, положив свою голову на колени сонного Никиты – и сама притворилась спящей...

Родители были потрясены видом, почивающих на одном диване: их невинной Ларочки и «прожженного искусителя» Никиты... – разразился грандиозный скандал!!! Спросонья, Никита не понимал: почему на него кричат, обзывают совратителем невинных девственниц, ведь, он просто уснул, сидя на чужом диване?! Но Лариса пустила слезу и принялась лгать, что между ней и Никитой возникло серьезное чувство... – и это ее откровение взбесило главу семьи еще больше: отец Агриппы и Ларисы орал, с пеной у рта и грозил Никите парткомом, и всеобщим порицанием...

Никита, наконец, сообразил, в какие «силки» его загоняет Лариса – и попытался оправдаться, откреститься, от связи с беспринципной нимфеткой, но Лариса уже, ухватисто, вцепилась в свою добычу... – не вырваться!

– Любимый, не отрекайся от меня, как честный человек ты, должен на мне жениться! – все твердила и твердила младшая сестрица Агриппы, изредка пуская скупую и лживую слезу. И родители Ларисы, поостыв, стали напирать на Никиту – и требовать от него, чтобы тот поступил как мужчина...

Агриппа слишком хорошо знала своих близких... – она сразу раскрыла коварную ложь своей сестрицы, но она и знала о другом: если Ларисе что-то взбрело в голову, она не отступится, а родители «в лепешку» расшибутся, лишь бы угодить своей любимице! Интересы старшей дочери Агриппы в семье никогда не брались в расчет, а Никиту они постараются

«вывалить, замазать грязью», если тот пойдет против желания Ларисы... – об этом Агриппа и поведала Никите, при их следующей встрече.

– Никита, мне так больно и обидно, но тебе придется, жениться на Ларке! В противном случае, мой отец дойдет до парткома, исполкома, обкома... – и повсюду, с праведным гневом, он будет бить себя в грудь и поносить тебя!!! Еще может и в милицию заявление написать: Ларке только через неделю исполняется восемнадцать... – вполне, смогут и в тюрьму упрятать!!! – Агриппа не стерпела, расплакалась – и пошла от Никиты прочь...

Никита все же предпринял еще одну попытку, чтобы расстроить брак с паскудной Ларисой – и попробовал поговорить с ней «по душам»...:

– Лариса, не тебя я вижу своей женой, а Агриппину, а ты, молода – и наивно полагаешь, что твоя юность и красота служит достойным оправданием твоему, мягко говоря, подлому поступку?! В своей жизни я познал немало красавиц... – и я научился ценить истинную красоту женщины: чистые помыслы и душевную красу... Не принесет нам счастья брак, начавшийся с обмана! Не возникнет промеж нас любви – не видать счастья ни мне, ни тебе!

– Ты, ошибаешься: я буду счастлива, непременно... – и ты, тоже..., если приложишь усилие... – беспринципная Лариса не собиралась отступать, от задуманного...

Свадьба Никиты и Ларисы состоялась, но это празднество больше походило на похороны... Впрочем, траурный вид ее жениха, а тем более Агриппы, не смутили душевного покоя новобрачной, лишь добавили ей чувства триумфа: увела-таки она жениха у Гриппки презренной...!!!

После брачной ночи, Никита бросил в лицо своему тестю простынь, испачканную кровью:

– Вот вам доказательство того, что я и пальцем не коснулся, тогда, вашей лживой мелкой сучки!!! Подыхать будите, вспомните, что вы, мою жизнь и жизнь вашей дочери Агриппы смяли, словно газету – и подтерли нами сральники свои!!! Нет вам прощения!!! – от бессильного бешенства, Никиту трясло...

Из комнаты показалась Лариса, она прежде потянулась, словно сытая кошка, а затем «промурлыкала» ...

– Дорогой! Ты, радоваться должен: тебе досталась в жены красивая и молодая, и цветущая девушка, а не сушеная старая дева Гриппка... Я, ведь, лучше ее в сотни раз!!! И я моложе тебя на шестнадцать лет!!! Радуйся!!!

– Сомнительный ты, подарок судьбы! Повторюсь Ларочка, в моей жизни было немало таких смазливых и тупых бабенок, вроде тебя?! Вот, такую, как Агриппа, я встретил впервые! Ты, своей сестре и в подметки не годишься! Молодостью своей козыряешь, красотой..., но это все товар скоропортящийся, а за душой у тебя пустота!!! – устало махнув рукой, Никита пошел собираться.

– Ты, куда?! – поинтересовалась Лариса и услышала в ответ: – На работу!

Лариса, став женой Никиты, не пожелала, покидать отчий дом... – пришлось Агриппе переселяться в двухкомнатную квартиру Никиты. Не так представляла себе Агриппа, жизнь в данной квартире... – обливаясь слезами, она наводила уют в холостяцкой берлоге бывшего, но своего любимого...

Совместная жизнь у Ларисы с Никитой не заладилась с первых дней: Никита с трудом переносил свою супругу – и, забеременев, Лариса отыгралась на муже...

Февральской морозной ночью Никита позвонил в дверь Агриппы:

– Агриппина, не прогоняй меня: я промерз до костей, а Ларка домой не пускает, без арбуза... Этой гадине захотелось «подснежников», среди зимы! Порой, убил бы..., но она беременна... – возможно, материнство сделает ее человеком?! – посиневший, от мороза и постаревший, от семейных неурядиц, любимый Никита стоял у ее порога – и Агриппа широко открыла входную дверь, давая пройти, внутрь, желанному гостю.

Вслед за тем, она накормила Никиту и напоила горячим чаем – и он разомлевший, от тепла и сытости, сперва, молча держал Агриппу за руку – после, принялся, страстно, целовать любимую женщину...

Рассвет они встретили в одной постели..., но наступивший день все вернул на свои круги. Только суровой действительности были не подвластны ее мысли и воспоминания – и долгие годы Агриппа была благодарна судьбе, за ту ночь любви... – и лелеяла в своей душе память, о кратком миге счастья... Порой, Никита ей снился во сне – и, вновь, словно наяву, она ощущала запах любимого мужчины и его прикосновения, страстные поцелуи... – пробуждение, после этих снов, было невыносимо горьким и болезненным...

Родившийся мальчик, которого Никита назвал в честь своего отца – Глебом, ни на йоту не поспособствовал, укреплению брака младшей сестры Агриппы, но Лариса и не думала унывать: благодаря своему недотепе-мужу, на одном из праздничных вечеров, она познакомилась с руководителем Стройтреста... – и стала любовницей, этого состоявшегося мужчины.

После трех лет совместной жизни с Ларисой... – Никита осознал, что находится на грани нервного заболевания – и он пошел на прием к любовнику своей жены, и своему непосредственному начальнику. Конечно же, Никита не жаловался ему, на свою неудавшуюся личную жизнь, а лишь попросил: направить его на работу в другой город... – исключительно, из-за того, что основательно притомился, жить вместе с родителями своей жены.

Анатолий Борисович, тайный соперник Никиты Глебовича, пообещал ему помочь, при первой же возможности, но сам, главным образом, действовал из своих интересов и с учетом пожеланий его пассии Ларочки...

– Милый, оправь этого хлюпика подальше..., сделай мне одолжение!!! Этот упертый Никита еще пожалеет, что посмел, пренебречь моей милостью! Но не думай..., я не собираюсь следовать за этим придурком: меня не прельщают лавры декабристов! – такова была реакция Ларисы, на услышанное от «сладкого душки» – Борюси.

Незамедлительно, руководитель Стройтреста вызвал прораба Никиту Глебовича на аудиенцию...

– Вы, замечательный работник – и вас жалко отпускать..., но учитывая ваши пожелания, предлагаю вам длительную командировку в Казахскую республику: там наметилась очередная стройка века – требуются специалисты вашего класса! – начальственный Анатолий Борисович смотрел, в упор, на своего соперника, но ни один мускул не дрогнул, на лице сурового прораба:

– Я согласен: Казахстан, так Казахстан... – твердо ответил Никита...

– Отлично! Оформляйте свою командировку, командировочные деньги получайте в бухгалтерии – и в добрый путь!!! По приезду, вам будут положены еще и «подъемные»... – Анатолий Борисович потер свои ладони и углубился в чтение бумаг, что, в беспорядке, лежали на его столе.

Лариса, проинформированная любовником о планах мужа, спокойно восприняла известие о длительной командировке Никиты в Казахстан...

– Не нравится тебе климат средней полосы..., поезжай в свой Казахстан, но и сына своего забирай с собой!!! Да, да! Сына своего забирай с собой! А, на что ты, рассчитывал?! – с потрясающим хладнокровием, изрекла Лариса, а ее двухлетний сын Глебушка, что в тот

момент, находился рядом с матерью, и не почувствовал: его, пока еще, краткая жизнь тоже сделала «крутой вираж»...

Агриппа провожала обожаемого Никиту на вокзал: неудобно одному управляться с маленьким ребенком и объемным багажом... – он и попросил о помощи у нее. Разложив свой багаж в купе вагона, Никита вышел на перрон, держа на руках сына... – некоторое время эти двое, молча, смотрели друг другу в глаза...:

– Позови меня с собой! Я готова все бросить, лишь бы быть с тобой!!! – молили Никиту глаза Агриппы.

Женский голос в репродукторе объявил, об отправлении поезда с третьего пути... – и Никита, на краткий миг, крепко прижался своими губами к губам Агриппы – затем поспешил, заскочить в свой вагон.

Всю дорогу, от вокзала до дома, Агриппа не позволяла себе заплакать, но дома она дала волю своим слезам. Внезапно, прозвенел дверной звонок – и Агриппа открыла входную дверь..., на пороге ее квартиры стояла Лариса...

– Выходит, Никитка не такой дурак... – и не взял тебя с собой, как ты, не просила!!! Жаль, лишили меня возможности: написать на вас заявление в милицию..., в связи с кражей моего сыночка Глеба!!! Ладно, живи убогая, но знай: Никите не быть твоим никогда!!! – зло и презрительно усмехнувшись, Лариса отвернулась от Агриппы и пошла своей дорогой, так и не заглянув в жилище сестры.

Потянулись годы однообразной жизни одинокой женщины: по ночам Агриппа плакала в подушку, а днем, с усердием, погружалась в работу – вечером, уставшая, возвращалась к своему «холодному очагу».

По прошествии десяти лет, после отъезда Никиты, к 38-летней Агриппе посватался 60-летний вдовец: этот Аким работал мастером, на стройке...

– Агриппина, давно приглядываюсь к тебе: ты, баба серьезная, а не хабалка какая..., но одной небось не вмоготу жить...? Давай сойдемся: на пару жить все веселей, чем холостячкой! – и уставшая от одиночества, Агриппа приняла предложение Акима – и он переехал от своей замужней дочери на квартиру Агриппы. Они и в загс сходили, чтобы узаконить свои отношения...

Агриппа, первое время, недоумевала: зачем Аким женился на ней? Проживая на одной жилплощади вместе с семьей дочери, от одиночества Аким явно не страдал... – и, как мужчина, он в женщине похоже не нуждался!?

С появлением Акима, в жизни Агриппы произошли незначительные изменения: холодильник и телевизор, что Агриппа взяла из пункта проката, Аким вернул в тот пункт..., на их место определил свой холодильник и свой телевизор – и еще любил посмеяться, что пришел к Агриппе с приданным.

Агриппа, по-прежнему, спала в своей постели одна... Аким занял вторую комнату: там стояла раскладушка, и, еще в бытность Никиты, на ней спали его гости – и для них же... – пара стульев, чтобы было куда повесить одежду. Просыпаясь среди ночи, Агриппа прислушивалась к могущему храпу Акима, раздающегося из соседней комнаты, и убеждала себя, что муж все-таки нужен:

– И правда, на пару жить не так тоскливо: живая душа совсем рядом, в соседней комнате спит... – перевернувшись на другой бок, вскоре Агриппа засыпала: интимной близости, именно с Акимом, ей тоже не хотелось...

По выходным дням Агриппа и Аким вместе занимались стиркой, готовили еду, а откушав стряпню своего приготовления, отправлялись, с визитом, к дочери Акима. Но в том доме,

надолго они не задерживались: слишком много шума производили два внука Акима – и их родители не отставали от детей... – постоянно были заняты выяснением отношений... Покинув беспокойное семейство, Аким и Агриппа шли в кинотеатр, а после просмотра фильма гуляли в парке – домой возвращались лишь к вечеру. В общем, более насыщенной жизнью зажила Агриппа, рядом с Акимом...

По истечении двух лет их супружеской жизни, суровые и трагические обстоятельства нарушили привычный ритм жизни Агриппы и Акима. Все началось с того, что от дочки Акима все же муж ушел – и та угодила в клинику с нервным расстройством – и пока его дочь находилась на излечении, Акиму пришлось вернуться в свою квартиру и взять на себя, заботу о внуках.

В отсутствие ее мужа, и болеющей ангиной, Агриппе пришло печальное известие: в результате несчастного случая, погиб на стройке Никита Глебович! Перед самой смертью, тот пришел в сознание и успел продиктовать адрес Агриппы своему другу, что дежурил возле него...: умирающий Никита вверял, именно Агриппе, опеку над его несовершеннолетним сыном Глебом...

Управляющий Стройтрестом, Анатолий Борисович почти сразу оказался в курсе случившегося – и свою любимую Ларочку он поспешил, известить по телефону, что отныне она – вдова! Лариса пришла в ужас от мысли, что, теперь на ее плечи ложиться забота о сыне-подростке, которого она почти не знала... – да, и по прошествии стольких лет, и знать не хотела!

– Успокойся Ларочка, твой Никита, перед своей смертью, просил друзей разыскать Агриппу, чтобы, именно она, взяла опеку над его сыном Глебом! – осведомленный любовник успокоил свою пассию.

– Борюсечка, срочно, вызови с больничного... эту Гриппку чертову, извести ее о просьбе Никиты и пусть твоя секретарша поможет ей, собрать все необходимые документы, для оформления опекуна над Глебом!!! Лично я, нахожусь в «неведении», случившегося с Никитой – и отбываю на курорт, по горячей путевке: сегодня нашему ЖЭКУ одну... предлагали... Когда вернусь домой, надеюсь Гриппка уже выполнит волю покойного – и Глеб будет жить при ней! – Лариса, капризно, скривила губы и повесила телефонную трубку... – затем, она ринулась в профком, за «горящей» путевкой.

Анатолий Борисович сделал все так, как и повелела ему «пушистик»-Ларочка: вызвал к себе Агриппину, чтобы выразить сочувствие, в связи с гибелью ее близкого родственника; предложил помощь, в срочном сборе всех необходимых справок – для оформления опекуна над несовершеннолетним племянником Глебом; отдал распоряжение бухгалтерии, чтобы Агриппине выписали материальную помощь...

Покуда хворающая Агриппина собиралась в дорогу, личный секретарь Анатолия Борисовича выяснила: какие справки необходимы Агриппе – и к трем часам дня все документы, необходимые для оформления опекуна над Глебом, были готовы, а в бухгалтерии Агриппу ждала материальная помощь...

Агриппа, в спешке, забыла позвониться до мужа, но в последний момент вспомнила о нем – и написала Акиму коротенькую записку, извещая его, что ей пришлось, срочно, вылететь в Казахстан, за осиротевшим племянником...

Забегав на минутку, чтобы проведать хворую жену, Аким не нашел своей Агриппы, а лишь записку..., что привела его в тихое бешенство! Ранее, ему казалось, что он все рассчитал до мелочей: одинокая и скромная, и неприятная Агриппа была рада и такому мужу, каковым был для нее Аким. И правда, Агриппа тихо смирилась с тем, что ее муж не спал с ней, совсем: они жили, как брат и сестра. Его жена не возражала – и каждую зарплату Аким относил дочери, а Агриппе ежемесячно перепадала лишь часть его пенсии, на расход... Непри-

хотливость жены внушила Акиму уверенность, что со временем, основную часть забот о его внуках, можно переложить на Агриппу: его психически неустойчивая дочка, все чаще ложилась в больницу! Он немолод... – и в случае его смерти, нестарая Агриппа оформит опекунство над его внуками: все-таки она приходится женой Акиму... И, вот, вам... – какой-то осиротевший племянник Агриппы нарисовался... – и позабыв о своем недомогании, жена помчалась «к черту, на куличики» – вот, как не вспылить?!!

Угрюмый Аким поплелся в психиатрическую больницу, к дочери: подошло время приема посетителей в том, скорбном учреждении, а дома его ждали внуки, которые тревожились за свою мать и за свое будущее...

По возвращению, у подъезда дома, Аким повстречал одинокую соседку, которая когда-то дружила с покойной женой Акима – ей пожаловался он, на свою теперешнюю жену, которая, не спросив Акима, уехала за сиротой-племянником! Соседка его утешила, как могла: предложила себя в жены...

Эта знаковая встреча, у подъезда, закончилась тем, что Аким вывез из квартиры Агриппы свой телевизор и холодильник – и подал заявление на развод! И, с того вечера, вместе с соседкой, Аким приглядывал за своими внуками, а когда он был на работе, его новая жена-пенсионерка занималась воспитанием и уходом за внуками Акима. Эта идиллия продлилась недолго: крановщица Зина, прознав, что ее любовник – Аким, снова сошелся с какой-то бабой, пришла к нему домой и устроила грандиозный скандал:

– Как свою мужскую нужду справлять..., так я хороша для тебя, а как семью создавать..., то и такая старая кошелка сгодится, лишь бы не я?!!! – орала разгневанная Зина, да так громко, что и на улице ее было слышно...

Бочком, бочком... и по-тихому, ушла от Акима «старая кошелка» – бывшая подруга его покойной супруги: эта женщина была оскорблена тем обстоятельством, что Аким использовал ее как домработницу и няньку, а сам, гад, на стороне забавлялся с молоденькой любовницей! Добилась своего разбитная Зинка: женился на ней пожилой Аким... – а, где бы он нашел себе еще такую, молодую и заводную возлюбленную?! И неважно, что в постели страстной Зины перебивали почти все мужики данной стройплощадки: Аким должен благодарить Зину, что она на нем остановила свой выбор!?

Лариса позвонила Анатолию Борисовичу из санатория – и он успокоил свою симпатию: документы нужные собрали, деньги на дорогу выписали... – и Агриппина отбыла за племянником в тот же день...

– Как славно мой Борюсик, что на тебя можно положиться!!! – ворковала Лариса в трубку, а перед Анатолием Борисовичем, внезапно, предстало лицо Агриппины: залитое слезами и искаженное болью невосполнимой потери, каковую она даже не попыталась скрыть... – так дорог ей был Никита!

– Две родные сестры – и такие разные: одна полна любви и сострадания к дорогому ее сердцу, а вторая любит и страдает лишь себе... Но не беда: с Ларочкой детей мне не крепить, а любовница, из этой стервы, отменная! – после разговора с Ларисой, у него поднялось настроение: через неделю его чаровница возвращается...

Почти месяц ушел у Агриппы на то, чтобы оформить опекунство над племянником Глебом. За это же время, при помощи приятелей почившего Никиты, Агриппа отправила на свой домашний адрес, контейнером, мебель, посуду... – все то, движимое имущество, что принадлежало покойному Никите и его здравствующему сыну Глебу. Ей захотелось, чтобы несчастного сиротку, на новом месте жительства, окружали привычные вещи... – сама-то Агриппа жила в спартанских условиях: минимум мебели и прочих вещей!

Глеба, после смерти отца, сразу отправили в детский дом – и, даже приезд Агриппы ничего не изменил – поэтому поводу она очень переживала: при каждой их встрече, Агриппа отмечала, что Глеб не пришелся «ко двору» коллективу, состоящему из сирот... – и ее племяннику приходится тяжело!

– Тебя избивают? – как-то, без обиняков, спросила Агриппа, Глеба...

– Нет! – последовал короткий ответ, но его затравленный взгляд, полный печали и непролитых слез, говорил об обратном, лучше всяких слов...

Впрочем, встречались Агриппа и Глеб нечасто: его отпускали из детского дома лишь на пару часов... – помянуть отца на третий день и девятый день... – и на один выходной... У Агриппы создалось впечатление, что кто-то, умышленно, тормозит рассмотрение ее дела, с оформлением опекуна над Глебом: возможно, некто, из местных, желал усыновить парнишку, хотя бы для того, чтобы завладеть жилплощадью покойного Никиты... Похоже, так мыслила не только Агриппина – и в ее застопорившееся дело, вмешался влиятельный друг покойного Никиты!

Наконец, делу осиротевшего подростка Глеба, был дан «зеленый свет...»: с учетом того, что гражданка Агриппина приходится родной тетей сироте – Глебу; она имеет высшее образование; достойную профессию и работу; среди коллег, в быту характеризуется отлично; является замужней женщиной... И законный супруг гражданки Агриппины имеет среднее специальное образование; трудиться мастером строительного участка; имеет положительную характеристику... Супруги обладают стабильным и хорошим доходом, своей жилплощадью – и метраж позволяет, проживание третьего члена семьи... С учетом всех этих фактов, было удовлетворено ходатайство Агриппины – и дозволено получить опеку над несовершеннолетним Глебом.

Под бдительным присмотром все того же влиятельного друга..., за два часа были оформлены все документы, подтверждающие опеку Агриппины над Глебом – и еще не верящие, в положительное решение..., Агриппина и Глеб вместе покинули детский дом! Далее, их дорога привела на местное кладбище: Агриппа и Глеб, перед своим отъездом, пришли проститься с любимым ими, Никитой, на его могилку...

– Ах, Никита, Никита, что же ты, так далеко уехал от меня?! Теперь, мы с твоим сыном возвращаемся в родные края, а ты, остаешься здесь – и уж не прийти нам к тебе, когда душа пожелает!!! – Агриппа, не стесняясь Глеба и влиятельного лица, запричитала, расплакалась у могилы Никиты. Потом, достала из своей сумочки целлофановый пакетик... – в него положила горсть земли, что взяла с могилы обожаемого, но покойного Никиты.

Поздно вечером, на своей служебной машине, влиятельный друг... проводил Агриппину и Глеба в аэропорт – и до тех пор, пока не объявили посадку на их рейс, он находился, неотлучно, с ними...

Только, в самолете Агриппина окончательно поверила, что, отныне, Глеб предоставлен ее заботам... – и, с облегчением, выдохнула!

Глеб, сидя в кресле самолета, вспомнил детский дом: отвязанных ребят, что приняли его, папенькиного сынка, в штыки – и при всяком удобном случае, задирали его и били... Он, с наслаждением, закрыл свои глаза: теперь, рядом с тетей, ему не угрожают ни озлобленные сиротки, ни вредные воспитатели... Такое освобождение и счастье, Глеб испытал в тот миг!!!

Влиятельный друг, вернувшись к себе домой, сел перед фотографией покойного приятеля Никиты и налил себе водки, полный стакан – немного помедлив, выпил до дна и заплакал...

– Мой дорогой товарищ, на кой тебе нужно было: отталкивать работяг, от летящей на них, строительной «люльки» – ведь, сам угодил под ее жуткий удар?!! Ответь?!!! Осиротил Глеба и меня!!! Не сомневайся, я сгною того, кто эту «люльку» так скверно закрепил, сгною!!! Но, как тошно мне, без тебя!!! Хорошо, что похоронили тебя здесь, а не увезли на твою малую

родину – ныне, в утешение, твоя могилка осталась мне!!! – полночи он пил горькую... и не пьянел.

Вернувшись домой, первое, что бросилось в глаза Агриппе – из квартиры исчез телевизор и холодильник – затем, она обратила внимание на записку: Аким в ней выражал свое возмущение, безрассудным поступком Агриппы, ее самовольством... – и грозил ей разводом!

Немного поразмыслив, Агриппа поняла, что развод со сторонним Акимом был бы благом: за два года их странного брака, они так и не стали родными друг другу! Теперь, в ее жизни появился Глеб, сын любимого мужчины – и этот мальчик нуждался в ней...

Прошло некоторое время – из почтового ящика, Агриппа достала письмо, которое подтвердило, серьезность намерений ее мужа: в конверте лежал документ, свидетельствующий о расторжении брака между Акимом и Агриппой...

Вскоре, прибыл и контейнер с вещами Глеба, и покойного Никиты... Вся мебель была в разобранном виде – и Агриппа позвонила своему отцу:

– Папа, прибыл контейнер..., но почти вся мебель находится в разобранном состоянии – не сможешь мне и Глебу собрать ее: в воскресенье ты, не свободен?!

На другой же день, после обеда, тишину в квартире Агриппы нарушила трель дверного звонка – и Глеб открыл дверь пришедшему...

– Каким большим внуком, ты, стал! Небось забыл своего деда и бабуку? Дозволишь, войти в дом? Разрешешь, обнять тебя: давно мы не виделись...?!

Когда Агриппина вернулась с работы, мебель в комнате Глеба, в собранном виде, стояла на своих местах: кровать, шкаф для вещей, книжный шкаф, письменный стол... – и цветы..., на подоконнике.

На кухне работал холодильник и на тумбочке стоял телевизор, а мать Агриппы хлопотала у плиты...

– Вернулась дочка, скоро ужин будет готов! – давненько Агриппа не видела свою мать в приподнятом настроении.

Вчетвером, они сели ужинать...

Отныне, по возвращению с работы домой, Агриппу встречала семейная идиллия: ее отец, вместе с внуком Глебом собрали спальный гарнитур – его они разместили в комнате Агриппы. Затем, очередь дошла и до стенки, производства ГДР – эту стенку, за неимением третьей комнаты, определили на кухню – благо, что метраж кухни позволял вместить и ее, и мягкий диван, и одно из кресел, а обеденному столу определили место в середине кухни... Если телевизору нашлось место в нише ГДР-эровской стенки, то холодильнику и второму креслу сыскалось место только в коридоре.

Расставив по определенным местам всю мебель, что доставили контейнером из Казахстана, развесив все три люстры – Агриппин отец и Глеб принялись, разбирать шкаф и кровать, что, ранее, стояли в комнате Агриппы.

Вслед за тем, помалу, на машине «Запорожец», все лишнее из жилища Агриппы, было перемещено на родительскую дачу. Последней, вывезли на дачу раскладушку, на которой, некогда, спал Агриппин бывший муж, Аким.

В выходной день Агриппа осталась дома...: следовало разложить, по полочкам, вещи, посуду... – потом, произвести влажную уборку в квартире, а внучка Глеба, бабушка с дедушкой, повезли на свою дачу.

Через три часа, встревоженный, приехал с дачи отец Агриппы...

– Глеб еще не объявлялся дома?! Не дай Бог, в беду попадет: он ведь наших мест еще не знает! Ах, Ларка-стерва: принес ее черт на дачу – и стала она выражать свое недовольство, и все ей мешает, а Глеб особливо! Пока я затыкал рот этой стерве, глядь, а Глеба и след простыл! Вот, где он ходит?! – отец Агриппы едва сдерживал свои слезы.

Запыленный и уставший, Глеб добрал до дома ближе к вечеру. Прежде, чем пойти в ванну, чтобы смыть с себя изнеможение и дорожную пыль, он сел в кресло, что стояло в коридоре – и перевел свой дух...

– Все-таки я дошел до дома, хотя и не надеялся... Дорогие родственники, прошу запомнить: для меня существует только мой отец – матери у меня никогда не было и не будет – даже не говорите мне, о той, чужой тетке!!! Какое счастье тетя Агриппа, что именно вы, приехали за мной в Казахстан: жизнь моя в детском доме была очень трудной, но рядом с этой, так называемой, маман, было бы еще невыносимее мое каждодневное существование!

Глеб пошел в душ, Агриппа достала из холодильника кастрюлю с борщом и сковородку, полную жареных котлет – все поставила на газовую плиту, подогреть..., а своему отцу, она налила полную рюмку водки.

– Папа, снимите стресс – выпей водочки, Глеб выйдет из ванной комнаты, будем кушать борщ... Заночуешь у нас: зачем, на ночь глядя, тебе на дачу возвращаться?

– Нет, дочка, поеду я: твоя мать, за ночь, истерзается от неизвестности, ведь и она волнуется за Глеба! У нее с давлением беда: скачет... – отец встал, подумав, взял со сковороды одну котлету и направился к выходу.

Агриппа, проводив отца, сама выпила ту водку, чтобы успокоиться: пока Глеб бродил, неизвестно где, ее богатое воображение, «жирными мазками», рисовало ей жуткие картины происшествий, готовые обрушиться на ее Глеба!

В сентябре Глеб пошел в школу... – Агриппа тревожилась и по данному поводу: племяннику предстояло влиться в слаженный коллектив – и не факт, что появление новичка, одноклассники встретят с восторгом?! И, правда: поначалу, в классе Глеба встретили «прохладно», но школьной баскетбольной команде потребовался игрок – и Глеб предложил свою кандидатуру... Постепенно, Глеб обзавелся друзьями не только в среде одноклассников, но и среди ребят старших классов...

Профсоюз Стройтреста заботился о досуге своих работников... – на постоянной основе, им предлагались билеты: на футбол, в кино, на концерт заезжей знаменитости... Агриппа приобретала эти билеты: на хоккейный или футбольный матч... – для себя, Глеба и пары его друзей, а на просмотр кинофильмов, чаще всего, Агриппа ходила вдвоем с Глебом. Летом, два года подряд, Агриппа и Глеб путешествовали по Волге, на теплоходе...

Три счастливых года пролетели незаметно! Глеб окончил среднюю школу и надумал, поступать в Медицинский институт... – Агриппе предстояло, вновь, оторвать от себя дорогого человека, что кратких три года являлся смыслом ее жизни! Выбор Глеба пал на институт, расположенный в крупном областном центре – расставание с любимым племянником стало неизбежным!

С отъездом Глеба, жизнь Агриппы, вновь, наполнилась пустотой и одиночеством, которое временами нарушал отец: и ему приходилось тоскливо в жизни, где отсутствовал внук Глеб – он и приходил в гости к старшей дочери, чтобы за чашкой чая, вспомнить о тех временах, когда их любимец был рядом с ними! Письма от Глеба приходили редко, все больше открытки, по «красным дням» календаря... – и Агриппа, и ее отец ждали Глеба на весенние каникулы...

Нежданный междугородний звонок, внес сумятицу и оживление в жизнь родных Глеба: тот позвонил Агриппе с домашнего телефона своей подружки. Вечером, ее отец зашел «на огонек» к своей старшей дочке, чтобы узнать подробности, состоявшегося разговора, между Агриппой и Глебом. Оба – и отец, и дочь сошлись в главном: плохо то, что Глеб так рано жениться и станет отцом..., но хорошо, что будет жить своей семьей...– и не избалуется... Главное – чтобы Глеб, будучи обремененным семейством, институт не бросил!

Той ночью, после телефонного разговора с Глебом...– и Агриппе, и ее родителям было не до сна: Агриппа волновалась, перед встречей с невестой Глеба, а ее родители планировали, как встретят будущую невестку, и чем будут угощать... Прабабушка Глеба тоже готовилась к встрече со своим правнуком – открыла свой тайничок, чтобы перебрать его содержимое...

Родственники Глеба и не догадывались, какие страшные думы терзают, в предрассветный час саму Ольгу, а ее страшила очередная встреча с близкими жениха: в памяти еще были свежи воспоминания, как встретила Ольгу мать Стаса, ее любимого, но несостоявшегося мужа! Сколько гнусных оскорблений посыпалось, тогда, в адрес Ольги!!! Ныне, когда она беременна, что в этот раз придется выслушать ей?! Но назад пути нет: Ольга ждет ребенка, а у него должен быть отец...– придется «проглотить» самое невыносимое оскорбление, стерпеть любое унижение, лишь бы еще и Глеб не бросил ее!!!

Поезд прибыл в пункт назначения...– и Глеб взял в свои руки их небольшую поклажу, а завидев на перроне знакомое лицо, он, радостно, помахал рукой, встречающей их женщине. Почитаемая Глебом, тетюшка Агриппина выглядела женщиной простодушной, и, внешне, назвать ее симпатичной можно было с натяжкой... Вот улыбка у нее была ослепительной – стоило этой невзрачной женщине улыбнуться, ее лицо преображалось, озаренное внутренним светом красоты неосознанной! Все переживания Ольги, ее терзания оказались напрасными...– это она осознала, когда тетюшка Глеба улыбнулась ей: все страхи покинули Ольгу, мигом!

– Глеб, Оленька, прямо с вокзала мы поедem в дом моих родителей: там нас ожидают бабушка и дедушка Глеба...– а еще и прабабушка... Глеб, все ужасно соскучились по тебе, а еще им хочется, поскорее, познакомиться с твоей избранницей! В путь! – тетя Агриппа, вновь, лучезарно улыбнулась, приглашая молодых, проследовать к автобусной остановке.

Родственники Глеба, основательно, подготовились к их встрече – об этом говорили ароматные запахи, что витали в подъезде...

– Глеб, наконец, ты, приехал..., а то бабушка твоя третий день стряпает... – весь подъезд пропах благоуханиями кушаний, которыми потчевать тебя будут!! Нам, твоим соседям, остается слюнки глотать! – соседка рассмеялась и побежала по лестнице, вниз...

Дедушка и бабушка Глеба встретили Ольгу приветливо...– показали ей, где находится их ванная комната, чтобы Ольга могла, с дороги, умыться... Когда Ольга вышла из ванной..., в коридоре ее дождалась прабабушка Глеба. Ветхая старушка, сурово, поглядела на нее прежде, чем спросить:

– У вас с Глебом все серьезно?! Нынче молодежь пошла легкомысленная: им жениться и развестись...– это, как раз плюнуть... Тогда, прежде, чем сесть за стол, отмечать вашу помолвку...– я благословлю вас, на брак, вот этой иконкой! – старушка показала иконку, что держала в своих руках – Глебу и Ольге ничего не оставалось, как проследовать в закуток, который занимала прабабушка. Было заметно, что старушка подготовилась основательно...– возле ее кровати, на тумбочке стояли две горящие свечи, а в маленьком блюде лежали два золотых кольца...

– Встаньте перед образами, вот, здесь и возьмитесь за руки...– потом, минут десять, прабабушка Глеба шептала молитвы своими посиневшими, от старости, губами, а в завершении

обряда благословения, она, троекратно, перекрестила иконкой Глеба и Ольгу и заставила их поцеловать лик святого...

– Эти кольца достались мне и моему покойному супругу от моей бабушки... – ноне, они ваши! Вот эта мужская печатка будет отныне твоей, Глеб, а это колечко с бриллиантовым глазком носи ты, Ольга – в память о вашей помолвке... Можете этими кольцами обручиться и на свадьбе – дело ваше! – она протянула молодым блюдечко, на которых лежали кольца...

С каким-то священным трепетом, Глеб надел кольцо на руку Ольги... – затем и она «окольцевала» Глеба... – за их спиной раздались аплодисменты...

– Теперь, пройдемте к столу, наши дорогие! – бабушка и дедушка Глеба радовались за внука: им понравилась девушка по имени Ольга.

Выйдя из полутемного закутка прабабушки, на свет, Ольга решила: повнимательнее, рассмотреть золотое колечко червонного золота, что, ныне, красовалось на ее левой руке. Бриллиантовый глазок колечка, оказавшись на свету, ярко сверкнул своими гранями, как подмигнул: типа, не тушуйся красавица, в этот раз все будет по-иному...

Они уже распробовали и салаты, и солянку, и плов..., когда в зальной комнате возникла молодая и ярко-красивая, и дерзко-озорная женщина... При появлении данной особы, тетушка Глеба – Агриппа, вмиг, из оживленной женщины со сверкающими, радостными глазами, превратилась в унылое, скукоженное существо; дед Глеба нахмурился и строго посмотрел на вошедшую, а его мама – ветхая старушка пробурчала нечто неодобрительное – и лишь бабушка Глеба, радостно, кинулась ей на встречу:

– Доченька, Ларочка, садись за стол с нами: ты, говорила, что не придешь сегодня – вот, мы и сели, не дожидаясь тебя... – оправдывалась любящая мать, перед младшей и любимой кровиночкой.

Та, которую звали Ларисой, вперила свой пронзительный взгляд в Глеба и, лишь, затем, принялась, бесцеремонно, рассматривать Ольгу..., а в комнате, между тем, повисла гнетущая тишина...

– Что-же сыночек..., Глеб, я одобряю твой выбор: похоже ты, больше похож на меня – любишь красивое!? Если бы пошел в отца, то рядом с тобою, сейчас, сидело бы убогое и унылое существо... Нет, ты, выбрал невесту, похожую на меня...: красивую, яркую, кокетливую ветреницу... Я, благословляю тебя на брак! Рядом с такой эффектной особой и тебе следует выглядеть достойно... – вот, Глеб, прокатись в Москву, до магазина «Березка»: купи себе приличный костюм... Ну, все: я увидела, что хотела... – мама, не переживай... – я, сыта и тороплюсь! – Лариса положила конверт перед Глебом и удалилась...

После ухода матери Глеба, в зальной комнате, некоторое время, все еще царило напряженное безмолвие. Ольга, наоборот, выдохнула с облегчением: родная мать Глеба, в отличии от матери бывшего... – Стаса, одобрила и ее яркую красоту, и кокетливость... После успешно пройденных ею смотрин, у Ольги возникло острое желание: отведать холодца, что так призывно источал аромат специй и чеснока... Поступок Ольги разрядил ситуацию – и, вновь, воцарилась непринужденная обстановка – и руки потянулись к салатницам, и тарелкам, и, вновь, завязалась раскованная беседа... – и, даже к Агриппе вернулся прежний аппетит и утраченное, было, настроение...

Поздним вечером, вместе с тетушкой Агриппой, Глеб и Ольга вернулись в квартиру, где три года, счастливо и беззаботно, проживал Глеб. Молодые и расположились в комнате, что ранее занимал племянник Агриппы.

Оставшись наедине с Глебом, первое, что сделала Ольга – достала из кармана пиджака своего жениха заветный конверт и заглянула внутрь его...

– Глеб, твоя мама одарила тебя долларами, из пяти купюр! Вау, пятьсот долларов!!! Щедрая у тебя мать, однако... Сессию закроем, на каникулах, поедем в Москву...: тратить твои доллары...– Ольга, мечтательно, закатила свои глаза – Глеб не сдержался – и притянул ее к себе...

На следующий день Глеб проснулся раньше своей возлюбленной Ольги – встал, чтобы посетить туалетную комнату, а Агриппа уже поджидала его...

– Глеб, нам надобно сходить в сберегательную кассу: деньги, что удалось скопить твоему отцу, мы не все потратили на тебя – на книжке еще осталось полторы тысячи – и они твои... Собирайся, пока Ольга спит, деньги те снимем – вам, на вашу свадьбу – и, надеюсь, что-то останется, и на создание семейного «гнездышка»!

Со сберегательной книжки сняли только тысячу: Глеб настоял на этом:

– Тетя, пятьсот рублей оставьте себе, на всякий случай: вдруг заболеешь, или профсоюз путевку в санаторий предложит...– без небольшой заначки никак нельзя! Я думаю, и папа хотел бы этого – и мне будет спокойнее: я далеко уехал, от тебя...– свою мысль Глеб не закончил, лишь виновато улыбнулся Агриппе.

Когда они вернулись домой, Ольга уже не спала, но, по-прежнему, нежилась в кровати...

– Ольга, засоня ты, моя – вставай, не то все счастье свое проспишь! – они принялись дурачиться, а Агриппа проследовала в свою комнату.

Из своей спальни она вышла, держа в руках серебряное ожерелье, украшенное синими сапфирами, поразительной чистоты цвета и красоты...

– Ольга, мне думается, что это ожерелье весьма подойдет к твоему свадебному наряду...– в любом случае оно твое: Бог мне не дал ни сына, ни дочку, но дал племянника Глебушку...– позднее, моей внучатой племяннице передадите мой дар! – грустная Агриппа, протяжно вздохнула прежде, чем передала ожерелье в руки Ольги.

Когда они вернулись домой, Глебу и Ольге дверь открыла Вера... Взглянув в лицо матери, Ольга была поражена своей догадкой...

– Боже, и моя мама боялась, и ужасно переживала: вдруг, и родные Глеба встретят меня «в штыки», как некогда, это проделала мать Стаса...! Моя бедная мамочка!!! – и Ольга поспешила, успокоить свою маму Веру.

– Мамулечка, нас встретили радушно, кормили вкусно, благословили на долгий и счастливый брак, одарили подарками и деньгами, а мама Глеба еще и пятьсот долларов подарила...! Знакомство с родственниками Глеба прошло превосходно!!! – и, беспечной «бабочкой», Ольга упорхнула в свою спальню, за ней последовал и Глеб.

В глазах Веры блеснули слезы радости – и гнетущая тревога, что неделю «грызла» ее, растворилась вмиг...: любимая доченька, свет ее очей была принята родными жениха Глеба, как Оленька того и заслуживала!

Предстоящая свадьба Глеба напомнила его тете Агриппе, что и она, когда-то, была счастливой невестой...– и получила в подарок от своей бабушки то серебряное ожерелье... Счастье, обещанное ей, не сбылось: их брак, с любимым Никитой, расстроила завистливая сестрица Лариса... Столько лет прошло с тех пор...– уже и Никита пребывает в Мире Ином, а его сын Глеб надумал жениться... , но достала Агриппа ожерелье из тайника – и резануло ее по сердцу, болью – и две ночи Агриппа проплакала: оказалось, ничего не поросло быльем – и душа, и сердце, по-прежнему скорбят по несбывшемуся!

К неудовольствию Веры, бывшая и несчастная, и вероломная ее любовь – Кирилл Дмитриевич сумел очаровать и подружиться с Розой и Риммой, любимыми тетушками Веры – и стал частым гостем в их доме...

Вот и, теперь, он сидит на их кухне, а Роза и Римма угощают Кирилла Дмитриевича плюшками с вишневым вареньем и поят индийским чаем...

– Славно, что родные Глеба радушно приняли нашу Оленьку! У меня, тоже заваялись доллары – свожу Ольгу и ее Глеба в Москву: бывал я в магазине «Березка» – знаю, как там «двери открываются» – стану гидом для наших молодым! Потом, и деликатесов, и фруктов прикупить на свадебный стол необходимо, а в Москве выбор большой... – делился своими планами тот, кто 19 лет назад потребовал, от влюбленной в него студентки Веры, чтобы она избавилась от его ребенка...

Вера никак не могла смириться с тем, что по прошествии 19 лет, подлый Кирилл Дмитриевич, вдруг, вспылал любовью к ее дочери Ольге... – на кухню она не пошла: надумала Вера, отсидеться в своей комнате, пока этот горе-отец не покинет ее жилище!

Счастливая Ольга продемонстрировала однокурсникам золотое колечко с бриллиантом, что подарили ей на помолвку..., поведала и о серебряном ожерелье, и о наметившейся поездке в заветный магазин «Березка»... Потом, случайно подслушала разговор – и была поражена тем, что немало завистниц учиться в их группе...

– Слушайте девчонки, и, что Глеб в этой Ольке нашел?! Кривляка сисястая – и покрасившее ее, в нашей группе сыскать можно! Хвальбишка! Вот, Глеб... – никогда не хвастал, что золотые побрякушки от прадеда-купца сохранились в их семье! Рановато они женятся... – явно..., по залету! – сплетничали те, кто в глаза всегда высказывал Ольге восхищение...

– Ничего, ничего: я на свадьбе такой красивой буду... – вы, позеленеете, от зависти!!! Мама права, корону красоты нужно нести достойно, хотя и много желающих, подставить подножку, чтобы узреть падение королевы...! Со мной, такой номер не пройдет! – и, осмелевшая, Ольга вошла в аудиторию...

Они вошли в заповедный магазин «Березка» – и у Ольги с Глебом «глаза разбежались», от изобилия превосходного товара... – Ольга даже ущипнула себя, чтобы избавиться от желания: купить все, что под руку попадется!

– Глеб, отец, в первую очередь, мне необходимо приобрести свадебное платье! – изрекла Ольга – и все трое отправились в отдел для новобрачных...

Свадебный костюм для Глеба в магазине «Березка» не приобрели – ему пришлось идти «под венец» в импортном костюме, некогда принадлежащему отцу Ольги – Кириллу Дмитриевичу: шикарный костюм – творение заграничного производителя, в великой спешке, местный старичок-портной подогнал по фигуре жениха-Глеба. Но было куплено роскошное свадебное платье для чаровницы Ольги – и длинная фата, по зарубежной моде: воздушный и нежнейший, и белоснежный ворох шелковой «пены» увенчивал веночек, из россыпи беленьких цветочков с умеренным количеством зелененьких листиков... – роскошно и так... миленько!!! Вот, желанные джинсы и футболки к ним, приобрели и Ольге, и Глебу – затем, Кирилл Дмитриевич вспомнил, что полагается и нарядное платье для невесты, на второй день свадьбы – и они присмотрели соответствующий наряд...

Свадьбу Ольги и Глеба справляли в кафе, что порекомендовал Кириллу Дмитриевичу друг – директор гастронома «Центральный» – соответственно, столы были накрыты восхитительными деликатесными закусками...

Вечно голодные студенты, сперва набросились на салаты и колбасную нарезку, но, едва насытившись, стали озирались по сторонам – и подмечать: мама Ольги – Вера Ивановна весьма

элегантная, красивая, но с печатью печали на лице... – и это понятно... – отец Ольги – Кирилл Дмитриевич, их преподаватель, он еще тот донжуан! Тетя Глеба – женщина невзрачная, но, как улыбнется, забываешь о ее некрасивости, а дед и бабушка Глеба... – старики еще крепкие и солидные... Чувствуется, что эта семья живет в достатке: на тете и бабушке надеты платья от финского производителя; дедок в импортный костюм принарядился; обувь на них, все сплошь чехословацкая; украшения золотые, старинные... – прадед-купчина немало сумел утаить от пролетариев!

В середине свадебного торжества, потянулись, вереницей опоздавшие – ректор Медицинского института с супругой; несколько преподавателей, из профессорского состава; работники горисполкома и обкома... – их посадили за отдельный стол, но в непосредственной близости от жениха и невесты...

Студенты известные юмористы и затейники – свадьба у Глеба и Ольги прошла весело, словно на одном дыхании... – в первом часу ночи, персонал кафе напомнил гостям, что их время вышло – и пора по домам... Тетушки Ольги – Роза и Римма стали раздавать студентам пакеты, для продуктов, что остались еще на столе... Студенты, те пакеты быстро наполнили снедью, бутылки с недопитым алкоголем закрыли пробками – и прерванное застолье перебазирировалось в студенческое общежитие...

Провожая гостей, Вера Ивановна и Кирилл Дмитриевич, близких друзей Глеба и Ольги, приглашали завтрашним днем, пожаловать к ним, на дачу...

Когда исчезли со своего торжества Ольга и Глеб, многие гости и не заметили: эта новоиспеченная супружеская пара отбыла в гостиницу, где Кирилл Дмитриевич забронировал для новобрачных номер-люкс...

Вера – мама Ольги, за свадебным столом сидела рядом с Агриппиной – тетей Глеба... – и во время общения, между ними пробежала искра симпатии. Затем, во время празднования свадьбы на даче..., Агриппа сдружилась и с Розой, и с Риммой – тетушками Ольги, и, как ни странно, с самим Кириллом Дмитриевичем... – поэтому она и приняла, приглашение родственников Ольги: Агриппа задержалась в этом городе еще на недельку...

А бабушка и дедушка Глеба вечером, второго дня, заторопились домой: очень уж бабуля переживала за дочку Ларису – Глеб и Ольга были вынуждены, покинуть дачу и друзей, чтобы проводить пожилых родственников на вокзал.

После непродолжительных праздников наступает период затяжных будней, но Агриппе, ныне, было не так одиноко: время от времени ей звонили Роза и Римма, но чаще тетушки и Вера Ивановна писали Агриппе подробные письма... – и она была в курсе, как складывается жизнь ее новых подруг и, как поживают молодожены – Глеб и Ольга... Всеми, полученными новостями, Агриппа делилась со своим отцом и прабабушкой.

Не передать словами, сколько радости испытали близкие Глеба, узнав, что тот стал отцом мальчика Никиты... – и только Агриппа сорвалась с насиженного места, чтобы повидать и Глеба, и кроху-Никиту, и своих подруг.

Агриппа не ведала, сколько тревоги пережили и мама Ольги, и ее отец, и тетушки, и сама Ольга: малыш Никита уродился копией своего отца – Стаса. Но нет, конфуза не случилось: Агриппа не скупилась на добрые слова – и все нахваливала новорожденного... Глеб, с приездом тети, не переменял своего отношения к Ольге и малышу. Сама Агриппа видела, что любимый племянник Глеб доволен своей жизнью, женой и малышом – так, какое ей дело до того, на кого похож новорожденный?! Потом, Агриппа не видела никогда Стаса...

Отныне, в отпуске Агриппа не путешествовала по Волге, а ездила, погостить к племяннику... – и родственники его жены всегда были рады видеть Агриппу в своем доме...

Лариса, будучи в Москве, всякий раз, посещала магазин «Березка», который был недоступен обычному, советскому гражданину: за купленный в этом магазине товар, надлежало расплачиваться валютой... У Ларисы имелась в наличии валюта: долларами ее снабжал пылкий любовник... – Анатолий Борисович входил в круг избранных – и мог позволить себе многое...

Перешагнув порог валютного магазина, в этот раз, Лариса направилась не в отдел косметики и не в отдел женской одежды, и не в обувной отдел..., а в секцию, торгующую товарами для новорожденных... – и все имеющиеся у нее доллары, она потратила на внука Никиту.

Вернувшись из Москвы, Лариса узнала у своих родителей адрес, где ныне проживал ее сын Глеб – и все, приобретенные для маленького Никиты, дефицитные вещи переслала им посылкой... Из отделения почты, Лариса вышла с торжествующим видом: ей, снова удалось переплюнуть противную сестру Гриппку... – эта убогая, все свое свободное время, трется возле ее сына, его семьи..., но она не может им дать того, на что способна Лариса!

Глеб и Ольга...

Глеб не сожалел о своей ранней женитьбе: он любил Ольгу, и он желал ее, так же страстно, как и в первый день их знакомства... – и то, что жена родила малыша Никиту от стороннего... – Стаса, а не от него... – это потрясло его, он изведal жгучую обиду, но испытанное... не поколебало любви Глеба к Ольге.

Узрев личико новорожденного мальчика, Глеба «окутала» та же горечь, отчаяние и боль, как в тот февральский день – в пору в ледяную воду с головой: его Ольга держала на руках малую копию, похожую на ее бывшего... – Стаса – и с этим... Глебу предстояло смириться! Те, пять дней, что Ольга провела со своим малышом в роддоме, Глеб изображал перед родней жены свою радость, хотя «на душе у него скребли кошки», а по ночам Глеб плакал, в подушку – и понимал, что не в силах расстаться с обманщицей-женой: это было бы сродни тому, если бы он вырвал у себя сердце, из груди – и, постепенно, истек кровью!

– Что же, других женщин для меня не существует... – пока...: я люблю Ольгу всем сердцем – стоит принять, сердцем, и ее сынишку! – перед выпиской Ольги из роддома, разум Глеба все же заключил мир с его сердцем и душой...

Ольга полюбила своего сынишку сразу, едва увидела его... Конечно же, сходство новорожденного с ее, некогда, ненаглядным Стасом, заметила и она: очевидного трудно было не заметить – и Ольга решила:

– Будь, что будет! Мама же вырастила ее одна, без мужа...

Глеб, по-прежнему посещал ее в роддоме и не торопился, устраивать Ольге сцены ревности – и, как будто не помышлял о разводе с ней... – и Ольга успокоилась, но, весьма, заволновались другие: ее мама, тетушки – Роза и Римма, и Кирилл Дмитриевич: – Успокойтесь! Если мужчина любит женщину... – он сможет смириться и с присутствием в его жизни ребенка, от другого мужчины! – уверенная в себе, Ольга и не думала тревожиться, ныне...

Некоторая нервозность наличествовала, когда Ольгу и новорожденного, родственники забирали из роддома, но Глеб, без промедления, взял малыша из рук медицинской сестры... – и у остальных присутствующих отлегло от сердца.

Первое время, Глеб не проявлял особого внимания к маленькому Никите – подойдет, покажет малышу «козу» – и пойдет, заниматься своими делами... Через две недели, после выписки из роддома, Никитку стали мучить спазмы, в животике... – и он плакал, без устали. Пришлось вызвать на дом детского врача...

– Кишечные колики в его возрасте могут возникнуть и вследствие не усвояемости лактозы... Мамочка, исключите из своего рациона молочные продукты и делайте малышу массаж животика, легкими круговыми движениями... Попробуйте кормить ребенка чаще, но понемногу. Да, и поите ребенка укропной водой: наши бабушки успешно использовали данное средство... – таков был вердикт детского врача.

Как-то раз, Глеб проснулся среди ночи: его Ольга спала, беззаботно, рядом с ним, а в соседней комнате, не смолкая, плакал ее сынишка... Глебу пришлось встать с постели, по нужде... – и возвращаясь из туалетной комнаты в свою спальню, он, вскользь, бросил взгляд, в приоткрытую дверь, соседней комнаты: умаявшиеся – Вера Ивановна, ее тети – Роза и Римма, стояли над кроваткой орущего Никитки и сами плакали, от собственного бессилия...

Исключительно, из жалости к Вере Ивановне и ее пожилым тетушкам, Глеб перешагнул порог их спальни, вынул из кроватки плачущего малыша и вместе с ним направился в сторону коридора:

– Я понянчусь с нашим плаксой, а вы, дорогие..., попытайтесь уснуть! – попросил измученных женщин, Глеб, но равнодушные Ольги, к страданиям любимого сына Ники, неприятно, поразило его...

Предположив, что малыш голодный, он устремился в свою спальню, приложил мальчика к груди спящей Ольги и сунул ему в рот сосок... Никитка, нехотя, пососал материнскую грудь, но вскоре выплюнул и, вновь заплакал...

Глебу нестерпимо хотелось спать – и, чтобы не заснуть сидя, он решил, побродить, «кругами», с малышом на руках: из коридора на кухню и обратно... Потом, его посетила идея: сделать Никитке массаж животика, путем легкого кругового поглаживания и надавливания... – он и положил кроху на кухонный стол... Непродолжительный массаж помог... – и кое-какое количество скопившиеся газов, Никита из себя исторг... – боль, на время, младенца отпустила – и он заснул на плече Глеба.

Уснувшего малыша, Глеб положил в его детскую кроватку, а сам сел рядом..., на стул и руки положил на спинку кроватки... – и не заметил, как сон сморил его. Поспать, в сидячем положении, Глебу удалось не более часа – затем, своим криком, Никитка, вновь, разбудил его... – и, сызнова, Глеб унес орущего кроху на кухню, чтобы сделать ему легкий массаж животика... – и, вслед за тем, отнес малыша к матери: подошло время его кормления...

После бессонной ночи, не выспавшийся Глеб чувствовал себя скверно, но следовало идти на лекции, в Медицинский институт... Беззаботная Ольга сидела на кухне и сцеживала из своей груди молоко, для сына... Затем, Глеб и Ольга позавтракали и направились к выходу... Уже шагнув за порог, Глеб оглянулся: тетушки – Роза и Римма, со страхом смотрели им вслед... – и он, еще раз, осознал, какую несоразмерную, их возрасту, ношу, они возложили на этих двух пожилых женщин... – и старушки боялись, что не справятся, должным образом, с маленьким Никитой.

Глеб сидел на лекциях, но не мог никак сосредоточиться на учебе: его преследовали испуганные глаза двух пожилых женщин. Подошла пора обеденного времени, но Глеб не пошел за Ольгой в столовую: он решил отпроситься с лекций, что после перерыва им должен был читать Кирилл Дмитриевич.

– Кирилл Дмитриевич, наш Никитка почти не спал этой ночью, все плакал! С утра, мы с Ольгой пошли на лекции, Вера Ивановна на свою работу, а малыша нашего мы оставили на двух беспомощных женщин – Розу и Римму. Боюсь, сейчас, дома они втроем плачут... Раньше я не задумывался..., но мы с Ольгой возложили на ее тетусек неподъемную, для них, ношу! Сейчас, я хочу пойти домой..., а вообще, надо бы нам подумать о няне, для Никиты... – я, даже готов по ночам вагоны разгружать... – Глеб выглядел растрепанным, встревоженным – и Кирилл Дмитриевич, в душе, согласился с его доводами...:

– Хорошо Глеб, мои лекции сегодня можешь пропустить, а вечером я загляну к вам... – спокойно все обговорим...

Глеб вернулся домой вовремя: Никитка заходился криком..., аж покраснел, как вареный рак – от натуги, а тетушки – старенькие, Роза и Римма смотрели на малыша и плакали, от осознания своей старческой немощности.

Глеб взял непростую ситуацию в свои руки, а тетускам – Розе и Римме повелел: непременно, пойти в спальню и подремать... – и две пожилые женщины, мысленно, возблагодарили Небеса, за свое избавление от мук!

Поначалу, он помассировал животик малышу – потом, Глеб дал Никите бутылочку, с подогретым материнским молоком – и когда кроха насытился, он принялся его убаюкивать... Глебу понадобилось минут пять, чтобы Никитка заснул, утомленный собственным криком и болью...

Пока малыш спал, он принял освежающий душ и перекусил наскоро... Проснувшись из-за колик в животе, Никитка, вновь, зашелся криком – и Глеб поспешил к нему... – и до возвращения Ольги из института, Глеб, прижимая к себе плачущего Никиту, все ходил и бродил по квартире, в поисках «пятого угла», с перерывами на массаж животика, болящего...

– Глеб, вот ты, утверждаешь, что твоей матери нет до тебя дела..., а она прислала тебе посылку! – с порога, Ольга помахала Глебу извещением...

– Давай мне Ники, а сам иди на почту, за посылкой: мне так интересно, что мать прислала тебе, Глеб? – плач сына мало тревожил Ольгу, ее больше интересовало, содержимое посылки... – и Глеб, прихватив авоську, и свой паспорт, уныло побрел на почту...

Когда посылку вскрыли, Ольгу ждало разочарование: содержимое посылки предназначалось, исключительно, для малыша Никиты... Благодаря Ларисе – матери Глеба, родные Ольги и она, и Глеб узнали о существовании памперсов, но им не один раз пришлось прочесть, прилагаемую инструкцию на английском языке, чтобы понять, как памперс одевать на малыша...? В посылке еще находились: бутылочки с мерными отметками; две упаковки импортной смеси, для самых маленьких малышей, страдающих не усвояемостью лактозы; небольшая электрогрелка, для подогрева жидкостей, непосредственно, в бутылочке... Последним, из недр посылки, Глеб вытащил флакон с белесым содержанием, внутри – это было лекарство от немецких фармакологов, для младенцев, страдающих кишечными коликами... – и, в срочном порядке, Глеб взялся за перевод инструкции к применению...

Плачущему, жалобно, Никите скормили разовую дозу импортного лекарства, а затем, его накормили теплой смесью... – и он, практически, сразу заснул, издав лишь, некий выдох облегчения... – и во всей квартире воцарилась долгожданная тишина... – и эта тишина, весьма, обеспокоила Веру Ивановну, когда та вернулась с работы:

– Что с Никитой? Почему его не слышно? Он не в больнице? – озадачилась она... – и очень удивилась, узрев Никиту, мирно посапывающим, в своей кровати.

– Мама, это благодаря матери Глеба, в нашем доме наступило затишье... – надо позвонить ей и поблагодарить ее, за посылку! – пояснила Ольга своей матери метаморфозы, произошедшие с их Никитой.

Ужинали они в целительной тишине, а потом Глеб перенес и спящего Никиту, и его кроватку в их с Ольгой спальню...

– Мы сами должны позаботиться о малыше... Правда, Ольга? Вы, Вера Ивановна, встаете ночью к Никитке, а потом, вам трудно заснуть вновь... – и с утра вы, чувствуете себя «разбитой», и у наших любимых – Розочки, и Риммочки сон чуткий... Да, как далеко шагнула зарубежная фармакология: средства наших прабабушек, типа – настойки из укропа, не так благотворно и стремительно исцеляют младенцев от кишечных коликов! – Вера Ивановна и ее тетушки, молча, оценили поступок Глеба, а вот Ольга, капризно, скривила губы... – нет, своего Ники она любила, но и поспать, она была горазда...

Позднее, Глеб дозвонился до квартиры матери, но Ларисы все еще не было дома – и переговорив со своим дедом и бабушкой, и прабабушкой... – Глеб – на прощание, попросил их: поблагодарить мать, за ее посылку...

Кирилл Дмитриевич пришел к ним с визитом, когда стрелка часов подходила к 9 часам вечера. Он ознакомился с содержимым посылки и почесал свой затылок...:

– Честно, мне и в голову не приходило: в магазине «Березка» посещать секцию детских товаров! Но о нянечке, для Никиты, я, кажется, договорился...

На следующее утро, обещанная Кириллом Дмитриевичем, нянечка для Никиты объявилась в их квартире ровно в 8 часов – в это время Глеб с Ольгой уже сидели на лекции, а Вера Ивановна приступила к своим обязанностям заместителя директора по учебной части...

Глеб, перед своим уходом в институт, скормил Никите разовую дозу лекарства...-и накормил его детской смесью – затем, он поговорил с малышом, как мужчина с мужчиной: просил кроху бережно отнестись к тетушкам – Розе и Римме...– и не плакать понапрасну... Затем, Глеб ушел, а маленький Никита некоторое время еще бодрствовал, словно обдумывал слова, сказанные ему...

К приходу няни, малыша Никиту не беспокоили кишечные колики, и он был сыт, и доволен своим состоянием...– и, посему, беззаботно спал. Тетушки Роза и Римма пригласили няню Галю на кухню, испить с ними чаю...

Поскольку, Никиту, ныне, не мучила боль – и детская смесь, присланная Ларисой, пришлась по вкусу его желудочку...– теперь, он просыпался лишь затем, чтобы в очередной раз насытиться и, чтобы ему сменили памперс..., а понапрасну не плакал...

Пребывая в благоприятной обстановке, тетушки Роза и Римма сварили щи и гречневую кашу, и пожарили котлеты... Няня Галя, чтобы работодатель не обвинил ее в ничегонеделании, прибралась в комнатах и влажной тряпкой протерла полы: все-таки маленький ребенок в доме-наличие пыли неуместно!

Агриппа, с утра пребывала в унылом настроении: после звонка Глеба, ее мать дозвонилась до нее и сообщила Агриппе, что Глеб звонил им, совсем недавно – хотел поблагодарить Ларису, за посылку! Самой Агриппе – Глеб не звонил давно... – было от чего, ей расстроиться.

Ход невеселых мыслей Агриппы прервал сослуживец:

– Агриппина Федоровна, вас к телефону!

Она очень удивилась, услышав в телефонной трубке голос тетушки Розы:

– Милая Агриппина, беспокоим вас, исключительно, из благодарности: его отец и вы, так замечательно воспитали Глеба!!! Боже, какой он чуткий, добрый, все понимающий!!! Честно, говоря: Верочка и Оленька привыкли к нашей поддержке – и не осознают, что с годами, мы не молодеем и силы уже не те..., а они, по-прежнему, надеялись на нашу помощь! И, только ваш Глеб увидел, как нам с Риммочкой тяжело справляться с маленьким Ники! Глеб обсудил эту проблему с Кириллом Дмитриевичем – и для Никитки нашли няню! Теперь, Никите не грозит, что тетушки, беря кроху своими, слабыми и дрожащими руками, уронят его, нечаянно, на пол! Агриппина, примите нашу благодарность и земной поклон!!! Надеемся, праздновать Новый год вы, приедете к нам!? Ждем вас! Очень!!!

Трехминутный разговор с тетушкой Розой, вдохнул в Агриппу надежду и радость: она не одинока – и есть люди, которые ей благодарны за Глеба, и рады видеть ее...– и этот Новый год, Агриппа встретит с Глебом и людьми, ставшими для него воистину родными и близкими ей!

Кирилл Дмитриевич не был уверен, что тесть Андрон Семенович уважит его просьбу: все-таки Никиту родила Ольга...

Свою будущую жену Нонну, Кирилл Дмитриевич облюбовал с первого взгляда... Она ослепила его своей красотой: роскошная и жгуче-черная грива волос; дерзкий изгиб соболиных бровей; огромные карие глаза, в обрамлении пушистых ресниц; нежная кожа цвета топленого молока, а какая фигура...!!! Еще и папа, у Нонны, трудился в обкоме...– не девушка...– мечта!

На горе Кириллу, и Нонна выделила его, выпускника Медицинского института...– и привела в родительский дом, и объявила Кирилла своим женихом! Через две недели состоялась свадьба Кирилла и Нонны – и суженый остался в областном городе, а не поехал в деревню,

отрабатывать положенные три года, после окончания института. Если бы знать заранее, Кирилл выбрал бы деревню, вместо женитьбы на девушке «своей мечты», но он не ведал... – и радовался, своей «удаче»...

То, что его Нонна грешила резкими перепадами настроения: от возбужденно-веселого до мрачно-злобно-подозрительного... – первоначально, Кирилл воспринимал за избалованность жены... – все-таки единственная дочь, а, затем, стал списывать на ее южную кровь... – прабабушка Нонны была осетинкой... Вскоре, Нонна забеременела – и ее неумное веселье, резко, меняющееся на озлобление, подозрительность... – Кирилл оправдывал ее беременностью...

Пришло время – и Нонна родила мальчика, которого назвали Станиславом, а близкие стали величали его Стасиком... Кирилл надеялся, что с рождением сына, его жена станет более уравновешенной, но у Нонны развилась послеродовая депрессия – и ей потребовалась помощь психиатра...

Психическое здоровье дочери стало постоянной заботой ее отца Андрона Семеновича – этот ответственный партийный работник предпринял меры – и дочь Нонна, в тот раз, прошла курс лечения, не выходя из дома. Маленькому Стасику наняли няню – и Кирилл заходил в его детскую комнату ненадолго, чтобы Нонна не вздумала ревновать мужа еще и к няне... К помощнице по хозяйству, Нонне придаться было сложно: эта тридцатилетняя некрасивая и мощная женщина не вызвала подозрения даже у нее...

Шесть лет брака Кирилла и Нонны, с натяжкой, можно было назвать счастливыми... За это время, Кирилл полностью влился в преподавательский состав Медицинского института, защитил кандидатскую диссертацию и работал над докторской... В отпуск, на пару месяцев, ежегодно ездил к Черному морю: в обществе жены, сына, тестя и тещи – и заселялись они, всегда, в люксовые санатории... Тесть его был «слугой народа» – и служил не где-нибудь, а в обкоме... – поэтому и его родные имели доступ к импортным вещам высокого качества, к различным изыскам и деликатесам, путевкам...

Позднее, Кирилл так и не сумел докопаться, что послужило «спусковым механизмом», но в тот раз, приревновав мужа к очередному, «телеграфному столбу», Нонна схватилась за нож – и прилично «исполосовала» Кирилла, пока тот пришел в себя, от неожиданности... – и не перехватить руку жены, державшую нож...

Теща, в тот момент..., схватилась за сердце и опустилась на пол; няня потащила Стасика в детскую комнату... – и, только, помощница по хозяйству – Дора схватилась за телефонную трубку...

Андрон Семенович примчался на зов помощницы... – окровавленного Кирилла увезла скорая помощь, но в обкомовскую больницу... – и Нонну, родители были вынуждены, отправить в психиатрическую больницу...

Когда Кирилл выписался из больницы, он не пошел в дом тестя, а навестил его на службе... Андрон Семенович все уже решил за Кирилла – и объявил ему свою волю, как приговор: Кирилл, в свете случившегося, мог вернуться к своей матери, для постоянного проживания, но разводиться с Нонной ему не было дозволено... Андрон Семенович обещался и далее, помогать Кириллу в продвижении его карьеры... Если же выяснится, что Кирилл завел себе гражданскую жену..., а, тем более, еще одного ребенка... – в этом случае, Андрон Семенович обещал приложить все усилия, чтобы зятя выперли из института – и работать участковым врачом, Кирилл сможет только в сельской местности!!! Кирилл должен был вести себя так, чтобы у его жены Нонны больше не было желания, хвататься за нож!!!

По задумке Андрона Семеновича, Кирилл имел право, видаться с сыном Стасиком по выходным дням, но мстительная Нонна решила иначе – и Андрон Семенович перезвонил Кириллу – и поставил того перед фактом: если Кирилл не сумел простить Нонне, ее эмоциональный проступок – и желает жить отдельно, от своей жены..., то и сына своего, Кирилл не увидит!!!

В качестве утешительного приза, Кириллу каждое лето, через посыльного, Андрон Семенович передавал путевки: турне по ГДР, Болгарии, путешествие на теплоходе по Черному морю... или отдых в Юрмале...

«Опаленный жаром» семейной жизни, Кирилл и сам больше не помышлял о браке, но не брезговал интрижками со своими студентками, а нерастраченный пыл, ныне, Кирилл разбазаривал, играя в покер... на доллары... Обычно, они играли по субботам – и всю ночь, напролет...

Потом, он себя корил, что связался с этой «тургеневской барышней» -Верой, но поскольку данная студентка, вскорости, бросила институт, то и угрызения совести Кирилла Дмитриевича мучили недолго, как говорится: «с глаз долой, из сердца вон!»! Через годы, он увидел Веру со стороны: красивая женщина, с печатью печали на лице, вела за руку девочку лет шести... Малышка была похожа на его покойную мамочку – и неосознанное сожаление, резануло циничное сердце, но более, Веру с дочкой, Кирилл Дмитриевич не встречал, то и сердце его успокоилось осознанием: психически больная Нонна, прознав про Веру и его дочь, может заявиться и к ним..., с ножом! И ничего Нонне – дочери второго секретаря обкома, не будет: папа, как и всегда, отмажет любимую дочь...

Прошли годы – и его, ранее непризнанная, дочь Ольга поступила в Медицинский институт – и более того, у нее случился роман со Стасом, законным сыном Кирилла Дмитриевича, и чтобы положить конец этой нежелательной связи, пришлось ему обращаться за помощью к тестю...

Жаль, что любовная интрижка Ольги со Стасом не осталась без последствий..., но ради внука Никиты, Кирилл Дмитриевич, вновь объявился в приемной тестя Андрона Семеновича...

– Что у тебя?! Излагай скорее, я тороплюсь! – недовольно, проворчал тесть...

– У меня родился внук, который вам доводится правнуком! – ответил ему Кирилл Дмитриевич... – и в кабинете повисло тягостное молчание...

– Моя дочь Ольга родила от нашего Стаса сына... Хороший мальчик – и вылитый отец, надеюсь, только внешне... Маленькому Ники нужна няня, а в вашем распоряжении находятся самые надежные и проверенные кадры... – «споткнувшись» о бездушный взгляд тестя, Кирилл Дмитриевич промолвил:

– Понял, моя просьба неуместна! – он встал...и направился к выходу, а тесть его не остановил...

На следующий день, Кирилл Дмитриевич узнал, что у маленького Никиты все же няня появилась...

Время от времени, няня Галя гуляла со своим подопечным в скверике, что располагался напротив обкома – и Андрон Семенович имел возможность, изредка, лицезреть своего правнука. Как-то, его дочь Нонна стала невольной свидетельницей краткого свидания прадеда с правнуком – и когда Андрон Семенович скрылся в здании обкома, Нонна, почти вплотную, подседа к женщине, качающую детскую коляску и, затем, бесцеремонно откинула уголок одеяльца, что скрывал от нее личико ребенка...

– Женщина, что вы, себе позволяете?! – возмутилась поступком незнакомки Галина, но сразу осеклась, встретившись взглядом со странной женщиной, в глазах, которой метался огонь безумие... – и хорошо, что эта особа тут же встала и ушла своей дорогой.

Чудная женщина показала Галине, на миг, пьяной: она побрела восвояси, покачиваясь и спотыкаясь, и бормотала что-то, себе под нос...

– В той коляске, несомненно, лежит ребенок Стаса: сходство бесспорное! Если жена Стаса не родила ему до сих пор..., получается, от него родила та шлю.ка – внебрачная дочь Кирилла! И этот гнусный тип утверждал, что моя ревность безосновательна: он любит меня – и верен мне?! Порвать бы, на куски и Кирилла, и его шл.х..., но я не желаю вновь оказаться в клинике... Нет, только не это...: я больше не вынесу...– сумасбродная Нонна почувствовала себя опустошенной – и поплелась в сторону своего дома...

Пятикомнатная квартира встретила Нонну звенящей тишиной: ее мать и помощница по хозяйству Дора ушли из дома, почти, одновременно. Нонна решила, что это хороший знак – вошла в кабинет отца и на одной, из его деловых бумаг, написала крупно, но коротенько: – Я устала...

Затем, Нонна решила, принять ванну...– включила горячую и холодную воду – и немного поразмыслив, пошла на кухню, за ножом...

Ее нашла помощница по хозяйству – и о смерти Нонны, эта женщина известила Андрона Семеновича. Он прибыл домой так скоро, на сколько это было возможно...– к возвращению домой жены Андрона Семеновича, тело их дочери Нонны уже увезли в морг...

Кирилла Дмитриевича вызвали к телефону прямо с лекции – он сразу догадался: кто желает, говорить с ним...

– Твоя жена Нонна умерла: сердце...– завтра ее похороны...– и ты, обязан на них присутствовать! – тесть чеканил слова, словно гвозди забивал...

– Неужели я дожил до светлого дня...– и отныне я – вдовец?! – Кирилл Дмитриевич, до конца, еще не постигнул: злой рок отпускал его на свободу...?

Церемония прощания с покойной проходила в просторном помещении, соседствующим с моргом...– и тень печальной трагичности ситуации была обставлена надлежащим образом, и музыка звучала подобающая: траурная... Всяк входящий сюда, моментально, осознавал: смерть ходит по пятам...

Кирилл Дмитриевич нашел себе укромное местечко, подальше от людских глаз – и все его внимание было сосредоточено на бездыханном прахе Нонны: в посмертном облике жены застыло состояние безмятежности и умиротворения – и, как ни странно, теперешняя Нонна напоминала ему ту, яркую девушку, которой он увлекся, не на шутку, когда-то – и Кириллом Дмитриевичем овладело чувство грусти и некоего сожаления...

– Отец, ты, как будто, скорбишь из-за смерти моей мамы?! – он оглянулся на голос и увидел, что рядом с ним стоит его сын Станислав: тот так и не сменил свой мундир на штатское..., словно похороны родной матери были для Стаса делом обыденным...

– Почему бы и нет?! У нас, с твоей матерью, были и хорошие времена... Если бы не ее болезнь...! Как ни странно, но эта ее посмертная, безмятежная отрешенность от мира живых, и напомнила мне: нашу первую встречу...– тогда, она поразила меня, в самое сердце, своей восхитительной и блистательной красотой!!! – Кирилл Дмитриевич решил избегать «острых углов», в общении со взрослым сыном...– и говорил он спокойно и тихо, но желающие услышали его...

– Как вы, правы Кирилл Дмитриевич: Нонночка, в юности, была девушкой незаурядной, а уж какой красавицей она была..., редкостной!!! Да, болезнь никого не красит! – подхватили его слова дамы, стоящие от Кирилла Дмитриевича слева, в некоторой отдаленности...– и, далее, как эхо, эти слова были повторены многими, из присутствующих, лишь в разной вариации...

Андрон Семенович, как и всегда, не терял присутствия духа – и держал «руку на пульсе» – он слушал и запоминал, о чем говорят те, кто, якобы, пришли проститься с его доче-

рю... А, люди судачили о том, что сын покойной – Стас не удосужился одеться в траурные одеяния..., вот, вдовец выглядит грустным и, даже, потерянным...

– Отлично... – не подвел Нонну ее муженек: все присутствующие отметили скорбь и печаль Кирилла, а Стасик прибыл на похороны прямо с поезда... – ему можно и простить, его ненадлежащий вид! Посему, преследовать Кирилла не стану: он, почти, выполнил все пункты нашего договора... Дочка внебрачная родилась..., так эти, своевольные бабы, нас не спросясь, рожают... – зато у меня правнук родился...

Стоило Андрону Семеновичу появиться на службе, к нему сват заявился: на похоронах Нонны бедных родственничков не было, а теперь приперся...

– Сват, похороны моей дочери вы, проигнорировали, а ныне явился?! – Андрон Семенович и не думал, срывать свое недовольство, но зависимый от него родственник, не испугался его гнева, а веером, выложил фото перед ним!

– Андрон Семенович, мы с женой думали, что выдаем нашу дочь за приличного парня, а ваш Стас оказался садистом – и подвергает нашу Ирину постоянным избиениям – «полюбуйтесь» на фото! Иринка, пользуясь случаем, сбежала от своего мучителя и сейчас находится в больнице: из-за побоев Стаса, моя дочь потеряла ребенка! Мы требуем развода, иначе, все фотографии и выписка из больницы..., ляжет на стол первого... Ради дочери, я и в Москву поеду..., но лучше разойтись мирно! – бледный, с трясущимися губами и руками, отец Ирочки был готов, заплакать – от жалости к своей кровиночке...

Андрон Семенович, сперва, ознакомился с фотографиями, лежащими перед ним... – веский аргумент, для развода – и для служебных неприятностей: лично, для него..., да и для Стаса, если эти компрометирующие фотографии окажутся на столе командира его части... – и он изрек:

– Хорошо, развод так развод... – я вызову вас, когда у меня будет на руках свидетельство о расторжении брака...

Бледный и бедный, но пока еще родственник, тут же встал... и покинул кабинет Андрона Семеновича, не прощаясь...

Вернувшись домой, Андрон Семенович прошел в комнату, которую занимал внук Стас – и бросил перед ним, на кровать, злосчастные фотографии.

– Стас, что ты, творишь? В тюрьму захотел, за избиение жены? Придется тебя развести с Ириной: приходил твой тесть, грозил...

Стас, мельком, бросил свой взгляд на фото... – недобро усмехнулся...

– Мало я бил, эту малахольную... – и откуда только смелости набралась: вслед за мною, к своим родителям кинулась... Развод – это даже хорошо: это свобода..., и никто не скулит под ухом!!! – Стас поднялся с кровати, давая понять деду, что разговор на данную тему, исчерпал себя, но от Андрона Семеновича не так-то просто было отмахнуться: – Стас, зря ты, бил беременную Ирину, неужели ребеночка своего не хочешь заиметь?!

– Нет, я ненавижу детей! И таким, как моя мать и я..., лучше не заводить потомства! Кому, к примеру, я был нужен?! Мой отец отлично обошелся без меня – и я обойдусь без сыночка, и без дочки!!! – лицо Стаса перекосила презрительная ухмылка...

– Ничего не выйдет у тебя: твоя бывшая – Ольга родила сына, от тебя... – Андрон Семенович не ожидал такой реакции от внука: моментально, Стас превратился в свирепое существо со стеклянными глазами: – Как родила?! Кто ей позволил?! – Андрона Семеновича испугала ярость Стаса, и он пошел на попятную: – Успокойся!!! Я пошутил, но сына Ольга родила, своему мужу...

В ближайшую субботу, Андрон Семенович поехал в село, откуда был родом – и в сельсовете, на законном основании, брак между Станиславом и Ириной расторгли, без их при-

сутствия... В понедельник, личный секретарь Андрона Семеновича передала его бывшему бедному родственнику конверт, в котором находилось свидетельство о расторжении брака Ирины...

В среду Станислав покинул квартиру деда и родной город, в частности: ему надлежало вернуться в свою часть... Его служебная квартира встретила Стаса холодом запустения и тревожной тишиной, но он быстро справился с неприятными ощущениями: принял душ, затем переоделся в чистое... Когда он был готов, к выходу в свет, направился в офицерскую столовую, к поварихе Зине: теперь этой особе предстояло, сносить его тяжелый характер... – и вкусно кормить его – и следить за уютом, и чистотой, в жилище Стаса.

«Беда не ходит одна»! В этом пришлось убедиться Андрону Семеновичу – внезапно, скончалась его супруга, которая никогда не жаловалась ему на свое здоровье, но оторвался тромб..., что и послужило причиной ее печальной и быстрой кончины. Смерть супруги едва не выбила из колеи, непробиваемого Андрона Семеновича: тяжело потерять дочь и жену, с небольшой разницей во времени, но рядом с ним еще оставалась Дора – помощница по хозяйству его покойной жены, что бесшумной тенью, кружила вокруг него и обхаживала своего господина... – и Андрон Семенович, почуяв рядом с собой, любящее его существо, смирился, постепенно, со смертью своей жены. В конце концов, когда поздним вечером Андрон Семенович возвращается домой, по-прежнему горит свет в столовой комнате, извещающий его о том, что Андрон Семенович еще необходим кому-то, в этом мире – и его ожидают со вкусным ужином... Вот, избирательная память стерла у Андрона Семеновича воспоминания о его правнучке Никите, словно, ранее, его сердце и не трепетало, от одного взгляда на малыша Ники...?! Возможно, подобное произошло из-за того, что от малютки отсекся его кровный отец Станислав... – и подсознание Андрона Семеновича приняло решение: достаточно волнений – и положительных, и дурных этому немолодому, пусть и крепкому еще мужчине?! Тем более, что и времена наступили непростые, и непонятные: горбачевская перестройка неистовствовала в стране... – один только «сухой закон» Андрону Семеновичу стоил немалых убытков и нервов...

Время продолжило свой неумолимый бег: Глеб и Ольга перешли на шестой курс обучения, в Медицинском институте, а их Никите миновало четыре годика... – у этой молодой семьи было все еще впереди...!!!

На восьмидесятом году жизни скончалась тетушка Роза, а через два месяца за своей сестрой последовала и тетушка Римма... – две пожилые женщины, что изжили свои жизни до самого доньшка, своей кончиной, осиротили племянницу Веру: эта красивая, но одинокая женщина всегда находила опору в этих милых старушках – и они, долгие годы, были ее спасением от одиночества! Да, у Веры есть дочь Ольга, но у той своя жизнь...

До Нового года оставалась неделя, а у Андрона Семеновича было смутно на душе – и ведомый своим подсознанием или чутьем, он заглянул в гости к своему бывшему зятю Кириллу Дмитриевичу...

– Вы?! Какими ветрами вас принесло к моему порогу? – изумленный визитом своего бывшего тестя, через столько лет, Кирилл Дмитриевич не сумел, скрыть удивления...

– Дедуля, ты, где?! Наши сосисочки начали подгорать! – с кухни донесся взволнованный детский голос – и Кирилл Дмитриевич, показав Андрону Семеновичу многозначительный жест руками, побежал в сторону кухни...

Андрон Семенович, неторопливо, снял с себя шапку, дубленку и ботинки на меху, и пошел на голоса... На кухне, у газовой плиты, хлопотал Кирилл Дмитриевич, а его действиями руководил бойкий мальчик, лет четырех: черноволосый, розовощекий крепыш с соболиными

бровями, взлет и с большими глазами цвета расплавленного янтаря... – этот мальчуган являл собой копию своего биологического отца – Стаса...

Андрона Семеновича, словно громом поразило: как он мог позабыть о своем правнуке Никите?! Ведь, существование этого малыша делает жизнь его, Андрона Семеновича, осмысленной!

– Ники, как ты, вырос, с тех пор, как я видел тебя в последнюю нашу встречу! Четыре года прошло..., как один день! Сосиски любишь?! – спросил Андрон Семенович, но мальчик не нашел нужным, отвечать незнакомцу-дяде.

– Вот, по случаю, достал два килограмма молочных сосисок – мы и решили с Никитой, устроить себе праздник... Небольшой... Да, кто бы мог подумать, еще лет, этак пять, назад, что продукты будут распределяться по талонам...?! – Кирилл Дмитриевич глубоко и опечаленно вздохнул, достал три чистые тарелки из стенного шкафчика – в них он положил, поровну, кусочки поджаренных сосисок, а на гарнир – отварных макарон...

Андрон Семенович достал из своего портфеля непечатую бутылку коньяка и плитку шоколада – и двое мужчин, сперва выпили, по рюмочке, а шоколад... достался, целиком, Никите... – чему тот был, чрезвычайно, рад...

Время, за беседой, летит стремительно... – где-то через полтора часа, за Никитой пришли Ольга и Глеб... – и радостный мальчик побежал в прихожую, собираться домой...

Ольга прошла на кухню, чтобы положить на стол небольшой пакет... – в нем лежали нарезанными, кусочки пирогов. С Андроном Семеновичем она поздоровалась, как с незнакомцем, отца своего поцеловала, на прощание, в щеку. Они ушли, а в квартире Кирилла Дмитриевича «повисла» тишина, которую более не нарушал детский смех или говорок...

– Сегодня поминали тетушку Римму... – и Никита с утра был у меня: мы его оберегаем, пока, от понятия существования смерти... – старенькие тетушки Роза и Римма ушли к ангелам... Ольга с Глебом на последний курс перешли – на следующий год у них защита диплома и распределение..., а Вера Ивановна, мать моей дочери, остается в одиночестве... Вот, ей, особенно плохо, придется без тетушек... – и я надеюсь, что это обстоятельство сблизит нас! Спасибо покойным тетушкам Веры: они позволили мне бывать в их доме! Выпьем еще, по рюмочке! – в заключении своей тирады, предложил Кирилл Дмитриевич.

– Выпьем! – поддержал его почин Андрон Семенович, потом высказал главное: – Кирилл, ты, же понимаешь, что мне хотелось бы встречаться с правнуком почаще..., а я помогу семье Ольги деньгами и продуктами...

Кирилл Дмитриевич, молча, выпил рюмочку коньяка и завел речь о другом...

– Как поживает наш Стас?! Я слышал, что он развелся... По службе, занят чуть ли не сотворением универсального солдата?!

Его внук Стас был особой болью Андрона Семеновича – и он встрепенулся, из-за вопроса бывшего зятя: в решающий момент, он не настоял, перед дочерью Нонной – и Стас вырос без всякого участия в его жизни отца – Кирилла Дмитриевича... – о чем, позднее, горько пожалел могущественный Андрон... Теперь-то, поздно «локти кусать»!

– Нет, Стас больше не женился, но он, с головой, погружен в создание сверх выносливых солдат, для армии... Боюсь, вскоре его ждет жестокое разочарование: власть советов трещит по всем швам... – нашу страну и нас ждут колоссальные потрясения... – в свете случившегося, не думаю, что новая власть станет финансировать утопические проекты! Вот, чтобы подсластить Стасу пилюлю, создал для него малое предприятие... – по документам, а на деле открыл частную клинику, для особ, обеспеченных... Знаешь, я жалею, что не отдал тебе, тогда, Стаса на воспитание! – Андрон Семенович, на минуту, подумал, что сболтнул лишнего, но Кирилл Дмитриевич лишь спросил:

– Долго еще ждать, этих кардинальных перемен?! – и услышал в ответ:

– Совсем, скоро... все изменится! – Андрон Семенович, вдруг, заторопился домой.

– Андрон Семенович, вы, сможете видетсья с Никитой только в моем доме: я не стану, даже ради денег и продуктов, разрушать брак моей Ольги... По поводу Стаса: не корите себя...– если бы вы, пошли против воли Нонны, она и вас порезала бы ножичком, а возможно и зарезала, насмерть...– нам, тогда, обоим пришлось смириться с неизбежным...– Андрон Семенович потоптался у порога, обдумывая сказанное Кириллом Дмитриевичем – и, затем шагнул за порог...

Кирилл Дмитриевич был мужчиной сметливым – он быстро нашел предлог, чтобы почаще устраивать встречи Никиты с его прадедом Андроном.

– Молодежь: Ольга и Глеб, как вы, смотрите на то..., чтобы встретить Новый год в загородном санатории?! Четыре дня в хвойном лесу...– будут прогулки на лыжах...– это потом, а 31 декабря праздничный вечер в ресторане санатория и танцы... до самого утра... Заезд в санаторий 30 декабря, после двенадцати дня... Так, как?!

Ольга встrepенулась, моментально оценив заманчивость предложения, но взглянув на мать, сникла...: – Не знаю отец, а на кого мы бросим маму и Никиту?!

– На кого? На меня, конечно! Вашего Никиту и Веру я приглашу к себе – и у меня будут гости...– и, возможно, Дед Мороз заглянет к нам, тоже..., вероятность очень высока! Ники, ты, выучил стишок, что тебе дали в садике?!

Никита, обладавший хорошим воображением, как и его мама Ольга, представив себе, встречу с Дедом Морозом, просиял...

– Мама, папа, вы поезжайте в санаторий, а мы, я и бабуля Верочка, пойдем к деду Кириллу... Пожалуйста, бабулечка-красотулечка! Встретить Деда Мороза и поговорить с ним...– я даже и не мечтал...!!! – внук Никита так проникновенно смотрел на Веру Ивановну...– и она сказала «да»...

Потом, Кирилл Дмитриевич спустился к своей машине, чтобы забрать из нее две увесистые авоськи с продуктами...: их, он положил на кухонный стол, а сам вернулся в зальную комнату...

– Ольга, вот вам с Глебом путевки в санаторий... Вера, эти деньги на домашний расход..., продукты на столе, кажется ничего не забыл..., но я еще забегу к вам завтра, на ужин...– и Кирилл Дмитриевич ушел: он торопился, отчитаться перед Андроном Семеновичем, что Никита будет с ними встречать Новый год...– необходимо заказать, визит Деда Мороза...– внук будет надеяться...

Кирилл Дмитриевич ушел, а Ольга взяла со стола путевки в санаторий..., держа их в руках, от восторга, она закружила по комнате:

– Какое счастье: Новый год мы встретим в благопристойном месте и в приличном обществе, а не в институтской общаге, попивая «Портвейн 777» и закусывая консервами «Завтрак туриста»!!! Полагаю, в санатории будет накрыт изобильный и сытный стол, и «рекою» польется шампанское...– и в 1990 год мы войдем «как по маслу» – и удача нас не покинет! – нараспев, Ольга проговорила о своих надеждах ...

– Здорово, я встречусь с Дедушкой Морозом!!! Ура!!! – мысленно, тешил себя надеждой сын Ольги – четырехлетний Никита...

За проявлениями бурных и радостных чувств Ольги и ее сына Никиты, со стороны, наблюдали серьезные...– Глеб и Вера Ивановна...

Номер, в санатории, Глебу и Ольге выделили превосходный! Новогоднее застолье для партийной и комсомольской номенклатуры организовали шикарное, словно, в стране не бушевала горбачевская перестройка, опустошившая прилавки продовольственных и промтоварных

магазинов всей страны... – и обычному народонаселению, ныне, выдавались продукты по карточкам...

В ресторане санатория, 31 декабря, за столик к Ольге и Глебу посадили еще две семейные пары – и перезнакомившись, первоначально, все сидящие за этим столиком были настроены друг к другу дружелюбно! По мере того, как ведущий новогоднего огонька заводил публику своими шутками – и, затем провозглашал тосты... – и приглашенный цыганский хор добавлял свой градус задора и некой томности... – настроение присутствующих менялось...

Ольга была в восторге, от царящего в банкетном зале...: глаза ее горели, как самые яркие звезды, а щеки пылали, словно маков цвет... Она ловила на себе восторженные взгляды мужчин, сидящих за их столиком – и подмечала злобу и ожесточение, исходящее от их жен... , но ей были безразличны эти, выходящие в тираж, «кошелки»...: ради их удовольствия, блистательная Ольга не собиралась строить из себя скромную «курицу». Не сегодня!

По истечении некоторого времени, Ольге понадобилось пойти в дамскую комнату... – и она, шепнув Глебу о своем намерении, встала из-за столика и направилась к выходу из зала. Вскоре, вслед за Ольгой встали из-за стола и двое мужчин... Обеспокоенный Глеб надумал, пойти навстречу жене: ему померещилось нехорошее, в ситуации, что назревала...

Выйдя из банкетного зала, чисто интуитивно, Глеб направился в сторону, откуда издавались звуки некой борьбы... Завернув за угол, Глеб узрел «картину маслом»: двое мужиков тащили его, сопротивляющуюся Ольгу, в сторону мужского туалета...

– Оставьте мою жену в покое... – спокойно произнес Глеб двум мужикам, что выглядели перевозбужденными, до чрезвычайности...

– Иди, своей дорогой, лошара: твоя дама желает нас! Непонятно, как такой пентюх попал в нашу компанию... – и с какой стати владеет такой восхитительной шл.кой?! – сказал, как пролаял, самый высокомерный, из двоих...

Внутри у Глеба все заклокотало, от возмущения, но он не показал вида...

– Попали мы в вашу «блистательную» компанию благодаря первому секретарю обкома...: Андрон Семенович приходится нам родственником... – едва Глеб произнес имя их благодетеля, в мгновение ока, двое этих мужиков протрезвели и отшвырнули от себя Ольгу, словно прокаженную...

Отрезвевшие мужики, стремительно свернули за угол... – Глеб и Ольга остались наедине – и она ожидала упреков, от оскорбленного мужа, но Глеб лишь спросил:

– Ты, побывала в туалетной комнате? Нет? Пойдем, я рядом с туалетом постою, чтобы на тебя больше никто не напал... – и они направились в нужном направлении...

Ольга, наконец, справила свою нужду, вышла из кабинки и устремилась к зеркалу... Минут десять, она рассматривала свое лицо и печати продажности так и не узрела в своем лице...:

– Вот, сволочь партийная, загибают под себя лучшее, еще и оскорбляют!

Дверь отворилась и в туалетную комнату вошла цыганка, из хора...

– Что красавица, любишь себя, но не понимаешь, отчего тебя приняли за доступную женщину?! Оттого, что тебе хочется очаровать, пленить всякого мужчину, что находятся в поле твоего зрения! Словно, ты, согласна пойти с любым! Не любишь и не ценишь своего мужа – и совершенно напрасно: в нем, едином, твое счастье и спасение! Не забывай об этом никогда: без своего нынешнего мужа пропадешь!!! Помни!!! – огромные черные глаза цыганки, пристально, смотрели в глаза Ольги, а, словно бы заглядывали ей в душу, обжигая своим пророчеством... – Ольге стало муторно...

Не сказав цыганке ни слова, Ольга вышла из дамской комнаты, а Глеб, как и обещал, дожидаясь ее, прижавшись спиной к стеночке...

До встречи Нового года оставалось полтора часа – и они вернулись в банкетный зал ресторана, но к своему столику не пошли: Глеб обратился, к проходящей мимо них, официантке:

– Девушка, мы попали в ваш санаторий по пригласительным от самого Андрона Семеновича... – и убедительно просим вас: подберите для нас другой столик... – на прежних местах... нам неудобно...

И вышколенная официантка повела их к столику, что находился почти у выхода из ресторана... Ольге и Глебу, ныне, составили компанию, за столом, две девицы пресного вида и неопределенного возраста, но благодаря обаянию и чувству юмора Ольгиного мужа, вчетвером, они превосходно встретили Новый год и разошлись по своим номерам после 3 часов ночи: веселились и танцевали чуть ли не до упаду... Но на сей раз, несколько уязвленной, себя почувствовала Ольга: для нее стало ошеломительным открытием, что ее Глеб пользуется успехом у женщин – и на него засматриваются, и юные чаровницы, и «спелые» дамы...

В семь часов утра, Ольга и Глеб были уже на ногах: большой грех дрыхнуть, когда вменяемые отдыхающие собрались на лыжную прогулку...

Вернувшись с лыжной прогулки к обеду, Глеб и Ольга вошли банкетный зал и осмотрелись, в поисках, к какому столику бы им, теперь присесть?!

– Ольга, Глеб, идите к нам! – из середины зала их позвал зычный голос самого Андрона Семеновича...

Вокруг них засуетились две официантки, накрывая на стол Ольге и Глебу, а сам Андрон Семенович тотчас переключил свое внимание – и ныне, с умилением взирал, как правнук Никита, взхлеб, принялся рассказывать родителям, о своей встрече с Дедом Морозом и его внучкой... Сидящие рядом, Вера Ивановна и Кирилл Дмитриевич, с тихой радостью, слушали внука.

– Как молодежь, вы вчера повеселились?! Никаких эксцессов не произошло?! – внезапно, поинтересовался властный Андрон Семенович.

– Помилуйте, все прошло превосходно! Вот, данная девушка, что обслуживала нас и вчера, позаботилась о нашем душевном комфорте и о наших желудках... Все прошло отлично! А, как вы, встретили...?! – был ответ невозмутимого Глеба...

Андрон Семенович, Вера Ивановна и Кирилл Дмитриевич лишь улыбнулись: четырехлетний Никита, вновь перехватил у них инициативу – и принялся, сызнова, рассказывать о Деду Морозе и Снегурочке, что пришли, в конце концов, чтобы поздравить его, Никиту с Новым годом!

– С нами встречали Новый год еще и мой ассистент с супругой, и дочкой Юлей – Никите, надеюсь, не было времени на скуку! – добавил Кирилл Дмитриевич, когда Никита смолк...

– Да, ну ее...: эта Юлька почти сразу уснула, стоило Деду Морозу уйти... Но я, как взрослый, уснул после 12 часов... – успел даже Новогодний огонек, одним глазком, посмотреть! – глаза Никиты сверкали, как самые яркие звезды, а щечки его алели, как маков цвет... – посмотрев на мать и ее сына, Глеб не удержался, от замечания:

– У нашего Никиты и у его мамы одинаково сверкают глаза, от восторга – и румянец алеет во всю щеку... Только беспечному Никитке четыре годика, а его маме уже двадцать один год... – и Глеб протяжно вздохнул.

Заволновалась Вера Ивановна – и переспросила Глеба:

– Что-то вчера все-таки случилось..., а сегодня?!

– Сущие пустяки, потом, на детей обижаться грех... – промолвил Глеб, а Ольга на вопрос матери, лишь отмахнулась: виноватой, она не считала себя...

Путевок в санаторий, к праздникам, Андрон Семенович им больше не даровал, но на постоянной основе снабжал Ольгу и Глеба, и Веру Ивановну билетами в театр или на концерт

заезжей знаменитости, а Никита, тем временем, был предоставлен заботам Кирилла Дмитриевича... и Андрона Семеновича – и все были довольны...

Справив пятилетний юбилей их совместной жизни, Глеб и Ольга, затем, едва не развелись, а всему виной... было противозачаточное средство, что регулярно принимала Ольга – и вот, столь необходимое ей средство, пропало с прилавков аптек, что Ольгу опечалило и она, вслух, и высказала свою «боль».

– Ольга, а мне ты, не собираешься рожать ребенка?! – поинтересовался, ошеломленный своим открытием, Глеб.

– Вот, еще! – отмахнулась от мужа Ольга: – Мне и одного раза хватило...– больше беременеть я не собираюсь! Поищи другую дуру, которая согласится девять месяцев ходить с пузом, терпеть токсикоз и постоянно чувствовать себя бегемотихой! Б...р...ы...! – с отвращением, беспечно промолвила Ольга.

Глеб внимательно выслушал свою супругу, а, затем, направился в их спальню, чтобы сложить в спортивную сумку свои вещи, а Ольга, с интересом, следила за его действиями – и лишь, когда Глеб пошел в прихожую, с некой долей высокомерия, она любопытствовала: – И, куда же ты, намерен пойти?

– У наших пацанов, в общежитии перекантуюсь: там и удобнее будет найти ту, которой будет не противно, вынашивать моего ребенка...– накинув куртку, соответствующую погоде, Глеб шагнул за порог.

Ольгу покорило потребительское отношение к ней Глеба, который рассматривал ее не как красивую женщину, а свиноматку: своего ребенка, он видите ли захотел...– собственник чертов!!! Чтобы прогнать смуту из сердца, Ольга надумала, пойти за сыном в садик, но лучше бы она не проявляла инициативы: в группе Ники она столкнулась с Андроном Семеновичем и Стасом.

– Дед, подожди тут, пока Никита сам оденется, а мы, с его мамой, потолкуем на улице: нам, ведь есть, о чем поговорить?! Не правда ли?! – взяв Ольгу под руку, Стас, практически, выволок ее на улицу.

Ольга не ждала от разговора со Стасом ничего приятного, но то, что произошло потом..., выходило за всякие «рамки» дозволенного: оказавшись на улице, Стас отшвырнул Ольгу от себя – и его мощный силовой швырок, словно «припечатал» ее к кирпичной стене, а в голове Ольги раздался звон и мелкие белые точки замелькали у нее перед глазами...

– С..а, кто тебе позволил, рожать от меня ребенка???! Приблуда, незаконная!!! По какому праву ты, не спросив меня, родила...– я спрашиваю тебя???! Да, тебя убить мало, за твое своеволие!!! – он занес над Ольгой свой кулак, для сокрушительного удара..., но не ударил: из помещения, на крыльцо вышли Андрон Семенович и Никитка – и Стас отошел от своей жертвы. Затем, и Ольга сумела взять «себя в руки» – и несмотря на боль в голове, слегка покачиваясь, она последовала за Андроном Семеновичем и Никитой к машине, что ожидала их за воротами садика...

– Мама, я только сегодня осознала, почему ты, с первого взгляда, невзлюбила Стаса! Он – лютей зверь...– и он так напомнил мне свою мать!!! Похоже, и у него не все в порядке с психикой... Какое счастье, что наша свадьба не состоялась..., а, ведь я готова была, бросить себя к его ногам – и последовать за ним, хоть на край Света!!! Голова болит, нестерпимо – мама, у тебя нет болеутоляющего средства? – Ольга приложила ладонь к виску, а Вера Ивановна, со страхом посмотрела на дочь прежде, чем пойти за таблеткой...

Следующим утром Ольга убедилась, как быстро распространяются новости, тем более дурные: едва она вошла в аудиторию, две девицы из группы поздравили ее с новейшим этапом,

в жизни Ольги, а парни бросали в ее сторону многозначительные взгляды... Глеб явил себя перед самым звонком и не обращал на окружающих, в том числе и на Ольгу, никакого внимания... Если бы у Ольги не болела голова, пожалуй, она устроила бы мужу небольшую взбучку: он бросил тень на ее репутацию..., но из-за плохого самочувствия, Ольга решила, поберечь хотя бы нервы – и, в отместку, не замечала Глеба ...

Лишь с последним звонком, Ольга подошла к Глебу, взяла под руку и на виду у однокурсников, повела ошеломленного мужа к выходу из аудитории...

– Ты, хотел заиметь ребенка?! Придем домой, сразу займемся процессом зачатия... – и до самого дома, они шли рядом друг с другом, но не проронили ни слова..., а дома Глебу, сперва, пришлось лечить мигрень Ольги.

Через месяц, Ольга осчастливила Глеба известием: быть ему отцом!

Со Стасом более Ольга не встречалась – и Андрон Семенович помалкивал, что по просьбе внука, через знакомого военкома, он намеренно добился – и Глеба призовут на службу в часть, где ныне служит его внук Стас.

Подросло время, которого так страшилась Вера Ивановна: Ольга и Глеб защитили свои дипломы – ныне, как дипломированных врачей, их ожидало распределение и отбытие к месту работы, а Вере Ивановне предстояла разлука с внуком, дочерью, зятем – и встреча, лицом к лицу, с горьким одиночеством!

Глебу прислали повестку из военкомата – и в положенное время, он явился на прием. Военком, в приватной беседе, предложил Глебу пройти воинскую службу военным врачом в засекреченной части, соседнего города – ему гарантировали служебную квартиру и приличное денежное довольствие...

Глеб долго не раздумывал, над предложением военкома... – согласился – и вскоре ему предстояло, прибыть в расположение воинской части..., а Ольге надлежало, как жене военнослужащего, дожидаться, когда муж призовет ее к себе...

Ее однокурсницы завидовали Ольге: кто белой завистью, а кто и серобармалиновой... – Полина испытывала к ней черную, как смола, ненависть!

– Эта Олька такая везучая, словно Бог ее в темечко поцеловал!!! Три года с мужем-лейтенантом перекантуется в военном городке, а потом вернется к мамочке!!! А, мы, словно убогие, должны по распределению, в глушь ехать!!! – роптали на свою судьбу ее бывшие однокурсницы-«подружки» ...

В первых числах августа, ненавистница-Полина со своей приятельницей Диной заявили домой к Ольге. Ее мать Вера Ивановна была в это время на работе, а сын Никита в садике... – и Ольга согласилась, прогуляться с ними по центральной улице города... Две коварные девицы привели ее к месту встречи со знакомыми парнями Полины...

– Все в сборе? Вот подъезжает троллейбус, который доставит нас к вокзалу... На дачке сейчас замечательно...! – произнес один, из трех парней.

– Девочки, ваше дело молодое... – отдых на даче, для вас, самое то..., но мне через два часа сына из садика забирать... – и вообще, в моем положении, мне лучше к городскому туалету ближе быть... – Ольгой овладела неясная паническая тревога, она, даже, почувствовала некую боль в животе – и приложила свою руку к ноющему месту, а сама сделала шаг, в сторону подземного перехода: ее утратила «нечаянная» встреча с друзьями Полины.

– Ты, чего за живот хватаешься: беременная, что ли?! – поинтересовался гнусавым голосом, прыщавый парень...: – Ну, в таком разе, ты, свободна – чеши к своему теплему унитазу! – Ольге дважды повторять было не нужно: парни не стали ее задерживать – и она поторопилась, скрыться среди людей, в «недрах» спасительного подземного перехода... Тем днем, Ольге все

мерещилось, что ее преследует кто-то... – наверное, по ее пятам, за ней ступала тень ненависти, что испытывала к удачливой Ольге «скромница» Полина...

Ольге, до поры, не дано было знать, но ее тревога передалась Дине, приятельнице Полины – та сумела убежать от странной компании перед самым отходом электрички... – и лютые помыслы Полины, бумерангом, вернулись к ней! Не беременной Ольге и не девственнице Дине, а Полине пришлось на той дачке познать «любовь» троих парней, поочередно, и с ней не церемонились! А, Полина была так уверена, что Павел испытывает к ней пылкую симпатию, но тот, после себя, отдал Полину на потеху своим друзьям – и очень удивился ее запоздалым претензиям:

– Хватит строить из себя целку, кочевряжиться: твои подружки, если не желали близости с первыми встречными, быстро смотались, а ты, одна, поехала с тремя мужиками... – и на, что ты, рассчитывала?!?!

Через неделю, после группового насилия над ней, Полина вновь позвонила в дверь Ольги, но ей никто не открыл...

– Что названиваешь, «красавица»? Ольга с сыном поехала к мужу: к месту его службы... – в воинскую часть – и ее мать, и отец с ними, чтобы проводить свою дочь и внука... – сообщил Полине сосед Ольги.

Из-за кипящей, внутри нее злобы и ожесточения, Полина несколько раз пнула входную дверь Ольги, да, только ногу свою ушибла... – и обливаясь злыми слезами, Полина пошла своей дорогой, на ходу давая себе клятву: придет время – и она поквитается с Ольгой, за все... и сполна...!!!

Военный городок, в котором семье Глеба предстояло прожить три года, находился в живописном месте... и недалеко от города, что несомненно было немалым плюсом. В их трехкомнатной служебной квартире, обставленной казенной мебелью, пахло краской... – перед самым заселением Глеба, в данном помещении содеяли косметический ремонт – и это обстоятельство обрадовало Ольгу: в обновленной квартире начинать жизнь «с чистого листа» не в пример лучше, чем в грязной и обшарпанной обители...

Приехавшие вместе с Ольгой, ее мама Вера и отец Кирилл Дмитриевич принялись, сообщая, наводить уют в жилье, где их Ольге предстояло жить три года, как минимум... Пятилетний Никита, между тем, был отпущен на прогулку, где он быстро подружился с мальчишками, что играли в футбол на детской площадке – и вскоре ему доверили, постоять на воротах...

Три недели Глеб жил один, без семьи – питался в госпитале тем же, чем кормили и больных..., а закупить, к приезду жены, картофеля и круп, у него все не получалось. Наконец, его Ольга и сын Никита приехали к нему, а с ними подтянулись, в помощь Ольге, и ее родители, а у Глеба, что в холодильнике, что в шкафчиках пустота, хоть шары катай... Такая же пустота царил на прилавках продуктового магазина военного городка: времена настали такие...

По совету мужа, ближе к обеду, Ольга устремилась в офицерскую столовую с авоськой, где лежала кастрюлька... Ознакомившись с меню, Ольга остановила свой выбор на картофельном пюре и приобрела восемь порций, а к пюре еще и десять штук шницелей докупила... – и на обратном пути к дому, Ольге повстречался Стас... – и это было большой неожиданностью для нее...

– Я смотрю: ты, совсем не меняешься! Собираешься кормить моего сына тошнилковкой, приобретенной в общественной столовой! Допрыгаешься, отберу у тебя сына!!! – прошипел Стас и вздумал, ударить Ольгу в живот.

– Не обижай мою маму!!! Слышишь?! Иначе, мы, с папой, побьем тебя!!! – сын Ольги – Никита появился перед Стасом, словно из неоткуда – и стоял перед ним со сжатыми кулачками, и нисколько не робея, и дерзко взирая, на обидчика мамы...

Стаса удивила и обрадовала храбрость его кровного сына – и он спросил Никиту: – Любишь свою маму?! Она хорошая, по-твоему?!

– Моя мама самая лучшая, но тебя это не касается: ты, нам никто!!! – вызывающе смело, заявил Никита...

– Никита, это дядя Стас – и он приходится нам родственником: твой дедушка Кирилл является нашим отцом... – мы со Стасом сводные брат и сестра... – пояснила сыну Ольга, чтобы избежать неприятностей...

– Какой-то злой у тебя брат! Мне бы не хотелось дружить с таким сердитым и вредным дядей! – бросив подозрительный взгляд на Стаса, Никитка побежал играть далее...

Ольга, наконец, обрела душевное равновесие и решила: разъяснить Стасу, свой поход в столовую..., чтобы избежать гнева, этого неадекватного человека:

– Мы приехали сегодня, с раннего утра. Половину дня мы были заняты, наведением чистоты в квартире, а когда захотели подкрепиться, обнаружили, что в холодильнике пустота... Глеб питался в госпитале: сам знаешь, непросто нынче приобрести продукты без талонов, а Глебу их выдадут только через неделю! Моему сыну и мне самой придется питаться пищей, купленной в столовой, пока отец не приобретет для нас продукты в городском магазине сельхозпродукции... Вот такие дела, мой сводный брат... – и Ольга побрела домой, опасаясь получить удар в спину от того, кого совсем недавно считала идеальным мужчиной – и была готова последовать за ним на край земли...

Стас, будучи студентом третьего курса Медицинского института, сделал выбор в пользу изучения стоматологии, но после защиты диплома, ему недолго довелось проработать врачом-стоматологом: его призвали в армию. Андрон Семенович не мог позволить, чтобы его внук служил абы где... – через подчиненного ему военкома, Стаса направили служить в соседний город: в данной воинской части, в режиме особой сверхсекретности, малоизвестные общественности, военные врачи занимались разработкой технологий по созданию «солдата будущего»... Следует сразу отметить, что далеко не все призывники, прибывшие на срочную службу в данную часть, становились объектом, для экспериментов: только самые здоровые добровольцы...

Лишь теперь, Стас заинтересовался психологией... – вот, где сокрыта занятая тайна – это вам не гнилыми зубами пациентов заниматься! Б..р..р.. – тошнотворное занятие!!! Совсем иное... – вторгаться в подсознание человека: в священную сферу каждой индивидуальности!!! На глазах Стаса, кудесники в белых халатах воздействовали на субъекты экспериментов: вводили их в измененное состояние, и минуя, на этом этапе, критическое восприятие сознания испытуемых, закладывали некие программы в их хранилище памяти. Основным методом воздействия являлся многоступенчатый гипноз: с его помощью и закладывали в испытуемых несколько программ, с определенными задачами, причем каждая личность не знала о существовании других... Военные психиатры стремились достичь того, чтобы в положенное время, по условному сигналу-паролу, солдат, вмиг, реагировал на ключевую команду, согласно заложенной в него программе... Для достижения цели, не гнушались использовать и психотропные препараты, и влияние низких, и высоких температур! Их «солдаты будущего» не должны знать ни страха, ни усталости; не быть чувствительными к боли; уметь не спать по несколько суток; видеть и слышать острее, чем обыкновенные люди... Выходило, что специалисты, работающие в данном проекте, каждый день примеряли на себя роль Бога...

Надо ли говорить, что Стас, приступив к службе в том секретном подразделении, в конце концов, нашел свое призвание, едва примерив на себя Божье занятие... Ощущение собствен-

ной сверх... значимости, увеличило в нем пренебрежение к тем, кто встречался на его пути, к примеру: к его жене, ныне бывшей; к сводной сестре Ольге и ее мужу Глебу...!

Немного пообщавшись со своим сыном Никитой, Стас осознал, что не может презирать этого мальчика: его копию и его продолжение... – и ему, впервые в жизни, сделалось неприятно оттого, что дорогой ему мальчуган, думает о нем плохо! Стас решил, добиться благосклонности сына к себе – и принялся за дело...

Вернувшись домой, первым делом, Стас ринулся в кладовую, где все полки у него были забиты банками: с тушенкой, сгущенкой, рыбными консервами... – офицерам, ежемесячно, помимо денежного довольствия, выдавали и продуктовый паек... Поскольку Стас был внуком видного обкомовского работника – он никогда не питался концентратами... Раз, в две недели, водитель дедушки Андрона, проехав немалый путь..., привозил на дом Стасу: готовый фарш, свежее мясо, тушки кур; замороженными – пельмени, голубцы, перцы... – кулинарные творения помощницы по хозяйству Андрона Семеновича. Через своего водителя, дедушка Андрон передавал внуку и немалые суммы денег: вдруг Стас пожелает сводить свою даму в ресторан... – или закатить холостяцкую вечеринку – у его мальчика всегда должен иметься запас денег! В общем, в продуктовой пайке Стас никогда не нуждался – а получив его..., складировал в своей кладовой... – отдать кому-то, из нуждающихся... – Стасу и в голову не приходило...

Сынок Никита подвигнул Стаса на широкий жест благотворительности – вооружившись тремя холщовыми мешками, он принялся складывать в них банки: с кашей, с тушенкой, со сгущенкой, с консервированными персиками и грушами, рыбные консервы и шпроты, зеленый горошек, майонез... Из шкафа стал доставать упаковки: с мукой, гречкой, пшеном и рисом, сахарным песком – затем, очередь дошла и до бутылок с подсолнечным маслом...

Лично, унести Никите доказательства своего, особого расположения, Стас не смог бы, даже по одному мешку – за раз: это было ему не по силам... – пришлось Стасу просить в помощь шестерых солдат. На его звонок, дверь открыла Ольга – и Стас отстранил ее, бесцеремонно, а солдатам приказал, занести мешки на кухню. Ольгу, в очередной раз, потрясла беззастенчивость Стаса, но она, только, спросила его:

– Что за мешки принесли, вы?! Лично я, ни о чем тебя не просила... Мог о благоденствовать кого-то, другого... – добавила она, недовольно.

Стас, с подобающим ему хладнокровием, изрек:

– Это для моего Никиты...! Тебя мама, надеюсь, готовить научила? Еда домашнего приготовления, для ребенка, несомненно лучше столовской...

На кухню забежал Никита, заглянул в мешки и достал из одного... баночку шпрот...

– Спасибо, дядя Стас! Шпротики я люблю! Мама, зачем все это отдавать кому-то, когда у нас есть бедняжка Гриппа?! – Никита принялся, доставать из мешков банки... и раскладывать их на две кучки...

– Каши в баночках пошлем Гриппе: она, по утрам, всегда каши ест... – и тушеночка ей пригодится, и нам отложим... – Ольга прервала занятие сына вопросом:

– Почему ты, считаешь, что Агриппина бедная? Что за чушь взбрела тебе в голову?

– Это не мне взбрело: старушки – Розочка и Риммочка всегда говорили, что «бедняжку» Агриппу надо пригласить к нам..., а, потом, у Гриппы нет таких красивых платьев, как у тебя, мама!!! – Никита посчитал, что ответил маме исчерпывающе, на ее вопрос – и продолжил, сортировать банки из мешков по кучкам: себе и Гриппе...

– Перед тем, как Розочка и Риммочка отправились к ангелам, летом, мы отдыхали на даче деда Кирилла. Вы, с папой сдавали экзамены, а мне стало так тоскливо, что я заплакал, а Розочке с Риммочкой сказал, что шашлыков хочу... Розочка и Риммочка не умели, жарить шашлыки... – и принялись плакать со мной, но не Гриппа...: она призналась, что тоже не умеет жарить шашлыки..., но умеет запекать на костре картошку... Мне стало интересно – и я пере-

стал плакать. Гриппа соорудила небольшой костер – и пока полешки догорали до углей, на костре мы поджарили хлеб, насадив кусочки на вилки. Поджаренный хлебушек, с одной стороны, Гриппа натерла чесноком, а сверху положила шпротинки..., у..м., как же было вкусно! Даже Розочке и Риммочке понравилось! Потом, мы запекли картошку. Спичкой проверяли, пропеклась ли...– готовую вынимали из костра, очищали от кожуры. Как же было хорошо и вкусно...– тогда!!! На другой день Гриппа повела меня на рыбалку, а на речке наш сосед по даче уже ловил рыбу...– и он посмеялся, над нами... И зря: Гриппа, за час, поймала четыре рыбины – и мы вернулись домой, запекать рыбу на угольках... Это, тоже, было очень вкусно...! Потом, мы с Гриппой еще в лес, по грибы и ягоды, ходили... Гриппа хоть и старая, но подружка из нее классная!!! Нам было весело, а потом вы, приехали на дачу..., а у Гриппы кончился отпуск – и она уехала... Положу Гриппе еще несколько баночек шпрот: пусть и она вспомнит то лето! Хорошо было!!! – мечтательно, произнес Никита...– и Стас, словно замороженный рассказом сына, пообещал ему:

– Никита, для твоей Гриппозы, я еще продуктов принесу... Если она такая хорошая, подкормим и ее...– пообещал Стас и пошел своей дорогой...

После ночного дежурства, у Глеба был выходной день – вместе с тестем Кириллом Дмитриевичем, они отправились к Агриппине. На их удивление, застали ее дома: все строящиеся объекты, в данном городке, были или в стадии «заморозки», или уже «законсервированы» до лучших времен..., а поскольку строительство... не получало финансирования, то и рабочим, и служащим не из чего было, платить зарплату – и всех отправили в неоплачиваемый отпуск...

Агриппа увидев Глеба и Кирилла Дмитриевича очень удивилась: с тех пор, как умерли Розочка и Риммочка, она не имела никаких известий о жизни Глеба и его семьи. Когда мужчины внесли в дом мешки с продуктами, Агриппа не выдержала, расплакалась: с утра, у нее во рту не было ни крошки хлеба!

– Тетя, сам-то я еще не получал продуктовый паек: недавно служу...– это Стас, сводный брат Ольги принес, для Никиты, свои запасы...– и это Никитка вспомнил, как вы, картошку запекали с ним, как хлеб на костре зажаривали – и, как на рыбалку ходили...– вот, он и решил, что нам надо поделиться с тобой! Прости меня, если сможешь! Я и не предполагал, что в провинции голодают по-настоящему...– и Глеб пошел на кухню, чтобы поставить кастрюлю с водой на плиту...– в его планах было, приготовить для тети макароны по-флотски...

Агриппина, тем временем, достала из шкафа фотографии, на которых было запечатлено то лето, о котором говорил Никита – и Глеб, и Агриппина, и Кирилл Дмитриевич принялись рассматривать черно-белые фото...

Когда макароны по-флотски были уже готовы и бутерброды со шпротами лежали по тарелкам, в дверь Агриппы позвонили...– пришел ее отец и дед Глеба, и принес полное ведро картошки, а еще полпирога с капустой...

– Дочка, мама твоя с утра пирогов напекла, так я и пришел..., а тут неожиданная радость: наш Глеб приехал! А, что так мало времени пробудите?! Бабушка твоя расстроиться, что не повидалась с тобой! Надо же, уже офицер и военный врач, а вроде, только вчера, тебя, испуганного мальчонку, Агриппа привезла от казахов! Время..., как летит время!!! – сконфуженно, произнес дед, Глебу...– и тот покраснел, из-за своей необоснованной беспамятности...

Всего-то три часа и погостили Глеб, и его тесть Кирилл Дмитриевич в гостеприимном доме Агриппины, затем, стали собираться в обратный путь: они торопились, засветло, вернуться в воинскую часть...– в лихие годы, ухари с кистенем или битой, неизменно «балуют» на дорогах... – и Ольга, и Вера Ивановна пребывают в тревоге, когда же их мужчины воротятся из поездки?!

Проводив дорогих гостей, стал собираться домой и отец Агриппины:

– Как славно дочка, что даже в такое тяжелое время Глеб, хотя бы изредка, но вспоминает о тебе! Не так страшно помирать будет, когда мое время придет: не совсем одна останешься на этом свете... Теперь, я часто вспоминаю твоего Никитку: виноват я перед ним и перед тобой, но ничего уже не исправить! Вот, он – локоть близко, но его не укусить!!!! Да, Лариска, ноне, второй раз, вроде, как овдовела: убили ее многолетнего любовника – Анатолия Борисовича... – и не удивительно!!! Государственные предприятия остаются без финансирования – и рабочим нечем платить, а Ларискин буржуй Толенька, со своей цепкой хваткой и бешеной энергией, такой крупный бизнес сумел создать... – и завистниками, влиятельными обзавелся! Его убили, а богатство, накопленное им, разделят – и по «кирпичику», по кускам растащат его бизнес, но праху Толика, теперь, это безразлично: в могилу с собой ничего не унесешь... – и там карманов нет, не то, что банков...!!! Интересно, а как душа Анатолия: не чувствует себя ограбленной!? Вот, нашей Лариске, ноне, плоховастенько придется, без его поддержки... – а семья Толика, вмиг, обнищала!!! Вот, какая она... – горбачевская перестройка!!! Толи, еще будет!!! Ладно, Агриппа, продуктами Глеб тебя обеспечил, на некоторое время... – голодать, пока, не будешь... – и я пойду, успокою твою мать... Пенсию я получил дочка, – денежки, вот, возьми и задолженность по квартплате не забудь погасить! Пошел я, Агриппа! – пожилой отец, удовлетворенный своим визитом к старшей дочери, направился к входной двери.

Жигули, управляемые Кириллом Дмитриевичем, стремительно мчались по пустынному шоссе. Глеб сидел на переднем сидении, рядом со своим тестем, но мысли его все еще витали вокруг тети Агриппы.

– Странно, как-то..., живя рядом с ней, я постоянно испытывал благодарность к тете Агриппе: она не дала мне пропасть в детском доме, заботилась обо мне неизменно... – я был очень счастлив те три года, что провел в ее доме! Едва погрузившись в студенческую жизнь, я перестал вспоминать и думать об Агриппе, но ведь я был многим обязан этой женщине!? В конце концов, из-за меня Агриппу бросил муж – и, после моего отъезда, она осталась совершенно одинокой... Маленький Никитка оказался благодарнее меня: он не забыл ни одной мелочи, из хорошего, что было между ним и моей тетей, а я позабыл о ее бескорыстной любви и заботе, что Агриппа щедро изливала на меня, ежеминутно, все три года, что мы жили вместе... Выходит, что у Никитки, с учетом его возраста, душа незамутненная... – и помнит добро, а я, едва взглянув на Ольгу, в первую же нашу встречу... и по сей день, постоянно, озабочен моими отношения с ней?! Потом, жизнь в нашей стране, резко, поменялась – и не в лучшую сторону... – я, теперь, частенько опасаюсь, что не сумею обеспечить своей семье достойную жизнь! Ольга готова была отдать посторонним... все подношения Стаса, а я, шкурник такой, уполовинил бы продуктовую кучу..., что Никита приготовил для Агриппы... – и все из-за моей неуверенности в завтрашнем дне! Хорошо хоть, что Стас приволок еще продуктов, огромный мешок... Ольги и Никиты дома не было, в это время – и Вера Ивановна с Кириллом Дмитриевичем все банки с тушенкой и сгущенкой, и рыбными консервами..., и пачки чая, и какао, и упаковки с крупами разложили, по полочкам, в кухонные шкафы. Теперь, если и будет, вновь, задержка с денежным и продуктовым довольствием..., это будет некритично: запас еды в моем доме есть! Моей Ольге, вообще, нужно хорошо и полноценно питаться: она вынашивает мне ребенка! Вот, Андрон Семенович, совершенно, забыл о правнуке Никите: его посылочки с замороженным мясом и мясными полуфабрикатами были бы, сейчас, как нельзя, кстати... Ничего, ничего, я, сумею: позаботиться о своей семье... – это с непривычки, меня корежит, от страха! Я, возвращу в себя делового мужика – и у моих близких все будет превосходно... – и, даже, у тети Агриппы!!! – дав себе установку на борьбу и успех, Глеб почувствовал облегчение... – и бросил свой взгляд на тестя...

Кирилл Дмитриевич, тоже, был занят думами о наболевшем... Вера Ивановна, Вера, Верочка! Встреча с ней, вновь, через столько лет, перевернула его душу и сознание... – спасибо, ныне покойным, тетушкам Розе и Римме: ведь, это они, предчувствуя скорый и закономерный конец своего жизненного пути, озаботились тем, чтобы их отрада – любимая Верочка не осталась совсем одинокой! Они созвонились с Кириллом Дмитриевичем и пригласили его на чай... – и, таким образом, милый Кирилл стал частым гостем ее тетушек в доме, где проживала и Веры с дочерью Ольгой...

Первоначально, едва узрев Кирилла – гордая Вера исчезала в недрах своей спальни – и не появлялась..., пока вероломный Кирилл не покидал их дома. Потом, случилось то, что случилось: сперва скончалась Розочка, а вскоре и Риммочка последовала за сестрой в мир иной... – Глеба призвали на службу – и Ольга с сыном Никитой поехала, вслед за мужем... На работе у Веры Ивановны, тоже, приключились перемены: отправили на пенсию старого директора... – и пришла на ее место молодая и хваткая особа... Вновь, назначенный директор медицинского училища принялась, расставляя на руководящие посты своих людей – и, соответственно, Веру Ивановну перевели на должность рядового преподавателя, с минимальной недельной нагрузкой в 18 часов... Свободного времени у нее появилось, хоть, завались им... Горькое одиночество и нужда грозились, стать уделом Веры Ивановны, этой еще нестарой и красивой женщины! Если бы не Кирилл Дмитриевич...

Поневоле, неприветливая, ранее, Вера перестала противиться обществу Кирилла: не сложились, когда-то, их супружеская жизнь... – что уж, теперь, вспоминать об этом?! Грезы молодости... – в них все зло! Зато, в компании с теперешним Кириллом, не так страшно и одиноко жить в этом мире...: есть с кем и чаек попить, длинными вечерами; и в театр, на премьеру, есть кому пригласить; и в парке вдвоем прогуляться сподручнее; и в кафе посидеть... – и поплакаться Кириллу, на самодурство нового директора и ее заместителя, ныне, Вере не претит! Потом, теперешний Кирилл проявляет невиданную заботу о Вере: то продуктами с ней поделиться, то деликатесами Веру побалуует, то деньгами поддержит... – а, ведь, она не жена ему, вовсе, но мать его дочери Ольги и бабушка их общего с Кириллом, внука Никиты... – и эти незримые, но неразрывные узы, ныне уже и не обязательно скреплять в загсе!

Помянул Глеб об Андроне Семеновиче нелицеприятно: вроде, тот забыл о правнучке Никите... – и зря грех на душу взял! Вернулись они домой от Агриппины, а на кухне у Глеба сидит, собственной персоной, тот Андрон...

– Отец, Глеб, поддержите меня: рано еще нашему Ники, в такие далекие вояжи отправляться, без родителей! – от волнения, Ольга раскраснелась, ее мать Вера Ивановна сидела смиренно, потупив глаза и не участвовала, в жаркой дискуссии дочери с сыном Никитой и его прадедом... Ольга не привыкла проигрывать споры – поневоле, пришлось искать поддержки у мужа и отца.

Кирилл Дмитриевич присел на стул, рядом с Верой Ивановной, словно бы сообщая своей дочери, что Никита – ребенок Ольги... и Глеба – им и решать...: куда мальчику можно ехать, а, что ему, категорически, воспрещено!

– А, в чем, собственно, проблема? Не просветите меня? – Глеб надумал быть объективным – и счел нужным вникнуть в проблему...

Выяснилось, что Андрон Семенович вознамерился, провести остаток месяца августа и половину сентября в санатории, на побережье Черного моря... – и, правнучка Никиту захотел взять с собой... Этому благу намерению, Ольга и воспротивилась!

– Вообще-то нашему Никите шестой год идет – с ним не должно возникнуть особых проблем у Андрона Семеновича... – и я понимаю, как Никите хочется к морю... – и тут... такая возможность! Но Никита, имеется один пунктик, против твоей поездки: ты, научился, чистить зубы и умывать лицо, и сам моешь свои ноги перед сном..., но не освоил ты, еще, как само-

лично, мыть себе попку...– мама каждый вечер и с утра помогает тебе... Представь, уехал ты, от мамы..., но, ведь не всякому ты, доверишь твою попку мыть? В этом я вижу большую загвоздку, а в целом, я не против, чтобы Никита побывал на море, позагорал на южном солнышке и, вдоволь, покушал фруктов...– усталый Глеб поставил на газовую плиту чайник: ему хотелось, испить чая и завалится спать – завтра снова на службу, в госпиталь...

В словах отца не прозвучало категорического «нет» – и Никита воспрял духом, и, безапелляционно, он заявил маме Ольге...

– Папа не против – и, значит я могу поехать к морю с дедом!!! Папа разрешил!!! Мама, сейчас же научи меня, как мне надо мыть попку...– и я, поеду с дедом на вокзал!!! Решено!!!– взволнованный скорым отъездом, Никита кинулся в сторону ванной комнаты, оставшаяся в меньшинстве, Ольга, понуро, побрела за сыном...

Пока Ольга, на пару с мамой Верой, собирали Никиту в дорогу, Андрон Семенович, из окна кухни, махнул, призывно, своему водителю – и тот, как навьюченный верблюд, занес в квартиру Глеба сумки: со свежемороженым мясом, курами и мясными полуфабрикатами, что, заботливо, приготовила для семьи маленького Никиты помощница по хозяйству влиятельного и грозного Андрона...

Удовлетворенные своей победой..., Андрон Семенович и Никитка сели в служебную «Волгу» – и машина, мягко, тронулась с места...– вернувшись в квартиру, озлобленная Ольга заявила Глебу:

– Ну, что муженек, понравилось тебе, торговать моим сыном?!

Ошалевший, от такой постановки вопроса, Глеб смотрел на Ольгу и не знал, как реагировать на подобный выпад жены..., потом заговорил:

– Ольга, Андрон Семенович не меньше твоего любит своего правнука Никиту! И, что плохого в том, что твой Никита побывает на море? Лично я, даже затрудняюсь, назвать число и год..., когда смогу вывести вас к морю! Не того мужа ты, выбрала себе! – изрек Глеб, чай он пить не стал...– отправился в спальню.

Когда за Глебом закрылась дверь, Вера Ивановна решила высказаться:

– Ольга, какая муха тебя укусила?! Зачем ты, обижаешь Глеба, ведь он прав?!

Ольга ничего не ответила матери, но спать пошла в зальную комнату: там стоял скрипучий диван... Этой ночью, она впервые задумалась – а, стоило ли выходить замуж, именно, за Глеба? Услужливое сознание, моментально, напомнило ей о Стасе, и как Ольга его боготворила, но тот оказался монстром! Глеб же, относиться к ее сыну с любовью...– и это немало важно! Потом, Ольга вспомнила молодых врачей и медсестер, что работают с Глебом в одном госпитале... Нет, лично Ольга, не желает работать ни врачом, ни кем-либо: ей нравится быть домохозяйкой...– и Глеб не корит ее..., хотя на одну зарплату, в нынешних реалиях, выживать трудно... Она осознала, что обидела Глеба напрасно: пока он жил один..., не брезговал питаться тем, чем кормили больных в госпитале... Подношениям Андрона Семеновича он обрадовался, но, лишь затем, чтобы его беременная Ольга питалась слаще! На самом деле и она была не против того, чтобы Никитка побывал на море...– ее напугала мысль, что ее сын привяжется к Андрону Семеновичу – и станет любить его сильнее, собственной матери! Этого... Ольга не перенесла бы!

Убедившись еще раз, что она не прогадала, с выбором мужа – и, что Глеб всегда будет стараться, чтобы его любимые жили в достатке...– на этой мысли, Ольга решила, «не валять дурака»: на скрипучих диванах, пусть другие неудачницы спят – и вернулась в супружескую спальню... Глеб уже спал, или притворялся спящим – неважно: Ольга растормошила его:

– Глеб, обними меня, я была немножечко неправа...

Вера Ивановна и Кирилл Дмитриевич уезжали домой со спокойной душой: размолвка дочери с зятем быстро сошла на нет... – и между Глебом и Ольгой, вновь воцарилось взаимопонимание и нежное отношение друг к другу...

Разлом в стране и в судьбах...

С тех пор, как прежнего директора медицинского училища, эту милейшую старушку и знающего свое дело специалиста, отправили на пенсию, Вера Ивановна ходит на работу, как на казнь, а, ведь ей только 48... – до пенсии еще работать и работать... Еще, было непонятно, с чего теперешняя директриса и ее помощница пакостно и пренебрежительно относятся к ней?! Без скандалов и склок Вера Ивановна оставила свою должность: заместителя директора по учебной части, а, ведь могла и побороться за себя..., но не стала! Получается... – хорошо, что в этом году у нее будет ставка 18 часов – и в медицинском училище она будет находится, в среднем, три часа – в день... Как-нибудь переживет этот учебный год, а там время покажет...: так успокаивала себя Вера Ивановна, направляясь в учительскую, где должен был состояться педсовет... – через четыре дня начало нового учебного года...

Педсовет прошел, на редкость, спокойно: коллектив училища недавно вышел из отпусков – преподаватели берегли свои нервы...

После педагогического совета, педагоги разошлись по своим кабинетам: далее, директриса должна была пройтись по всем учебным классам, чтобы оценить, готовность медицинского училища к новому учебному году.

Вера Ивановна вошла в кабинет, который был приписан за ней... – и ахнула: на учительском столе и под столом, на стуле, где она обычно сидела – повсюду была рассыпана земля, которой пару часов назад не было и в помине?

– Боже! Пока я была на педсовете..., кто-то не поленился, сбегать к вахтеру за запасным ключом, от моего кабинета – и так нагадил, и именно, на моем рабочем месте?! Кто же это был?! – задавалась вопросом Вера Ивановна, сметая в совок остатки земли: – Неужели, все только для того, чтобы директор имела очередную возможность: высказать мне, свое презрительное «фи...»!?

В кабинет Веры Ивановны вошла уборщица...

– Верочка Ивановна, уже успела отовсюду убрать землю? Я, как вошла, так и обомлела... – и с тех пор думаю: не кладбищенской ли земле тебе набросали?! Завистников, ноне развелось, как грибов! Только и смотришь объявления в газете: наведу на соперницу порчу... – и, как жить?! Давай, протру под твоим столом сырой тряпкой, чтобы директриса не кудахтала...

Вера Ивановна напрасно уповала, что более трех часов в день в училище ей не придется находиться: ей составили расписание с «окнами» – и с восьми утра до двух часов дня, стены медицинского училища она не покидала...

В начале ноября, она почувствовала свою болезнь. Первоначально, Вера Ивановна списывала свое недомогание, на едва выносимую психологическую атмосферу, что на работе образовалась вокруг нее... Кирилл Дмитриевич заставил ее пройти полное медицинское обследование в клинике своего хорошего друга. Результаты обследования потрясли и друга Кирилла Дмитриевича, и его самого, и Веру Ивановну... – у нее диагностировали трудноизлечимое заболевание крови!

– Кирилл, не проговорись о моей болезни Ольге с Глебом, умоляю тебя! Ольге скоро рожать, перенервничает... – не дай Бог, выкидыш будет или роды с осложнениями... – исхудавшая Вера Ивановна, при этом, бессловесно и так трогательно плакала, что Кирилл Дмитриевич не смел, противиться ее воле, хотя и понимал, случись что..., Ольга не простит ему замалчивания... – и, как медик, понимал волнение Веры, из-за беременности Ольги...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.